

Адольф
Янушкевич

ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КАЗАХСКИМ СТЕПЯМ

ОМСК, 8 мая 1846 года. ПИСЬМО МАТЕРИ

Еще несколько минут, и мы будем уже в пути. Экипаж, почтовые лошади, охрана из казаков – все готово. Только плач жены, детей и слуг товарища по путешествию и его собственные слезы задерживают нас в Омске.

Прежде чем он вырвется из объятий семьи, я успею передать тебе, дорогая мама, еще раз мой прощальный привет и поручить себя твоим благословениям.

Предстоит мне долгий путь, ждут меня на нем большие трудности, неудобства и, может быть, опасности. Ведь это путешествие совсем не похоже на то, которое я совершил несколько лет тому назад по цивилизованной Европе. Еду я нынче в совершенно неизвестные страны, в глубь киргизских степей, буду жить среди кочующей орды, с оружием в руках, переплывать реки на диком коне, взбираться на вершины гор, куда еще не ступала нога ни одного поляка. И все же это путешествие не тревожит меня нисколько: я предпринимаю его, доверившись богу, уверенный, что мой каждый шаг на этом пути будет охраняться молитвой лучшей из матерей.

Ты правь конем, ты правь моей ладьею,

Ты будь моей надежною звездою!..¹

Еще раз прощай, милая мама! Прощаюсь со всеми вами, будьте здоровы!

СЕМИПАЛАТИНСК, 14 мая. ДРУЗЬЯМ П., М., П.

Ay! Let me like the ocean-patriarch roam.

Byron

Если б я мог бушевать, как тот «патриарх моря»!² Желание это, которое уже много лет живет в моем сердце и не дает спать по ночам, кажется, наконец начинает сбываться. Говорю «кажется», потому, что действительно одной ногой уже

¹ Байрон. Абидосская невеста. – Прим. перев. (В дальнейшем все примечания, где не обозначено, что это авторские, сделаны переводчиком).

² Байрон. Абидосская невеста.

стою у цели, но знаю по опыту, что все мои желания, мечты и надежды всегда рассеивал встречный ветер. Боюсь, как бы и на сей раз «железная рука слепого рока» (по напыщенному выражению известного вам Голуховского), с колыбели нависающая над моей головой, не вернула меня в Омск! Будь что будет, но сейчас очень похоже на то, что через несколько дней я буду плыть, как Ной по воде, по сухому океану киргизских степей.

Пускаясь в такое смелое начинание, я не простил бы себе, если б не написал старинным друзьям несколько слов, не попрощался бы с теми, кто уже пятнадцать лет разделяет мою судьбу, хотя я уверен, что, куда бы ни понесли меня быстрые волны этого океана, мысленно я всегда буду с вами. Но и вы мыслями будьте с путником!

Не думайте, однако, что целью моего путешествия является только желание поплавать по степи. О нет! Это было бы под стать какому-нибудь бедуину, фарису или английскому туристу, который хочет избавиться от сплина. Мне этого мало. Я хочу воспользоваться okazji, чтобы отыскать в киргизских степях вторую Ниневию.

Вам следует знать, что Рубругиз, или Рюбругиз, и Плано Карпини [1] в своих воспоминаниях или дневниках путешествия (которых я, правда, не имел чести читать и читать, может быть, никогда не буду) утверждают (как меня в этом уверил один из омских киргизско-татарско-монгольских ориенталистов), «что за Волгой, в тридцати днях конного пути лежит большой город, монгольский Каракорум [2], столица Чингисхана [3], в которой они не только собственными персонами были, но еще и пили кумыс и каракумыс». Сегодня европейские ученые ломают себе головы над разгадкой вопроса: где стоял этот город, из которого властелин Азии метал свои молнии, как Юпитер с Олимпа? Одни считают, что Каракорум на берегах Енисея, другие – что над Сыр-Дарьей, Старым Яксартом Геродотов и Страбонов; самые ученые советуют искать его в пустыне Гоби, а если и там нет, то уж обязательно обнаружится на дне Байкала. Отсюда страшный шум, спор и крики, угрожающие миру во всех пяти частях света. Чтобы предупредить пролитие крови и чернил, основываясь на преданиях киргизов, которые, как наследники части монгольского государства, имеют право на лучшее знание дела и ясно утверждают, что «зимняя чингисханская резиденция была в их степях»³, я еду искать развалины этого мощного города и остатки трона великого возмутителя спокойствия. Вы не верите, что этого самопожертвования с моей стороны требует любовь к человечеству, и так уже довольно страдающему? А поскольку в библиотеках сибирской столицы, богатых только «Парижскими тайнами», «Вечным Жидом» и «Курсом философии преферанса», мало серьезных произведений, заклинаю вас во имя мира и будущих поколений – просмотрите тобольские книгохранилища и, если найдется в ваших льдах какой-нибудь мамонт вроде дона Рубругиза или синьора Карпини, немедленно высылайте мне выписки из их путешествий к чингисханской резиденции.

Нашли же Ниневию, почему бы мне не найти Каракорум?!

Будьте здоровы!

³ Поскольку здесь находятся Чингистауские горы. – *Прим. автора.*

СЕМИПАЛАТИНСК, 17 мая. ПИСЬМО БРАТУ

Дорогой брат! Уже несколько дней мы в Семипалатинске, и только Иртыш отделяет нас от киргизов. Иртыш, та мощная река, на берегах которой, на мерзлых останках допотопных жителей выросли холодный Тобольск и город ветров Омск, два знаменитейших города Сибири, окрестности которых некогда, по свидетельству Гумбольдта, заливали волны океана. Множество моих писем, написанных на берегах этой реки, уже хорошо познакомили тебя как с древними владениями Кучум-хана, завоеванными триста лет назад дротиком простого казака, так и с нынешней столицей генерал-губернатора Западной Сибири. Незнакомый еще тебе Семипалатинск, несмотря на то что он меньше и скромнее по своим историческим памятникам и политическому значению, чем Тобольск или Омск, все же заслуживает упоминания, как пункт обширной торговли, которую Сибирь ведет с Китаем, Ташкентом, Кокандом, Бухарой, а также со Средней и Большой ордой киргизов. Семипалатинск, некогда областной центр так называемой Омской области, ныне принадлежащий к Бийскому округу Томской губернии, лежит в 1300 верстах от Тобольска и в 700 от Омска, при впадении речки Семипалатинки в Иртыш. Заложен он, а точнее, перенесен на это место во второй половине XVIII века, так как ранее, в 1716 или в 1726 году, укрепльнице того же названия было в 20 с лишним верстах ниже, и ему частые разливы Иртыша грозили полным уничтожением. Сегодняшний Семипалатинск, отстроенный на руинах старой крепости джунгаров, насчитывает до 7000 жителей, более всего татар, ташкентцев и бухарцев. Поэтому только одна церковь, но шесть или семь мечетей. Киргизский язык употребляется почти повсеместно. Даже прекрасная половина русского племени бегло говорит на нем, как наши дамы по-французски.

Здесьние купцы за российские товары, привозимые из Ирбита и Нижнего Новгорода, получают из пограничных китайских городов Чугучака и Кульджи чай, шелковые материи, фарфор, разные мелочи. Из Ташкента, Коканда и Бухары – халаты, ковры, различные изделия из хлопка, рис, сушеные фрукты, а из киргизских степей – невыделанные шкуры лошадей, коров, овец, лис и других зверей, войлок и т. п. Вся эта торговля ведется с помощью верблюдов, многочисленные караваны которых выходят оттуда в мае, а возвращаются в декабре. Доходы здешней таможни доходят порой до 20 000 рублей с лишним. Среди запрещенных товаров первое место занимает опиум, который правительство не разрешает ввозить в Китай, так же, как и киргизскую соль не разрешается провозить в Сибирь, щедро снабженную этим даром природы. Два батальона пехоты, конная казачья артиллерия и пограничные казаки составляют гарнизон Семипалатинска. Здесь штаб командира казачьей бригады. Гражданская власть в руках городничего.

Климат Семипалатинска здоровый: зимние морозы, хоть и большие, но не бывают, однако, такими сильными и продолжительными, как в Омске. Летом досаждают несносная жара, особенно оттого, что там сыпучие пески покрывают улицы города, но эту сторону африканской, можно сказать, неприятности, частично вознаграждают дыни, а более того – арбузы, совершенно неизвестные в других частях Сибири, тем более что они великолепны. Несколько барж, нагруженных ими, словно бомбами, прибывают в конце августа в наш Омск, богатый только репой и картошкой.

Семипалатинск еще тем счастливее Омска, что его окружают сосновые леса, доставляющие жителям в избытке материал для топлива и строительства; зверей и птицы вдосталь; только хлеб гораздо дороже, потому что сторона лесная и песчаная. Промышленность города складывается всего лишь из нескольких кожевенных заводов и мельниц. На одной из последних видали мы мельничные камни, доставленные из-под Киева; за них на месте заплачено 500 рублей, вместе с доставкой обошлись они хозяину в 1000 рублей ассигнациями. Это камни из весьма знакомой мне деревни Жорнищи.

В семи верстах от Семипалатинска, в романтическом месте, в долине, перерезанной ручьем, и частично на скате горы, одетой лесом, с вершины которой открывается великолепный вид на Иртыш, на киргизскую степь и тянущийся вдоль нее пояс Семи-тауских гор, находится так называемая «заимка», или хутор купца Попова. Это прекраснейшее из известных мне мест в Сибири. Чарующий оазис, как будто чудом перенесенный сюда из счастливых стран мира! Здесь мой взор, утомленный однообразием грустных пустынь и скучных пейзажей, с удовольствием приветствовал укромный уголок севера, где, кроме удивительного очарования самой местности, привлекают еще клумбы, покрытые самыми разнообразными цветами. Этот прекрасный уголок, хоть и не ухоженный, как он того заслуживает, за неимением средств у нынешнего хозяина, перенес меня в иной край, где я был несколько лет тому назад... И несколько мгновений я мечтал... Здесь так хорошо, что, несмотря на мою неприязнь к шампанскому, особенно такому, каким обильно снабжается наша Сибирь, находясь в обществе его больших поклонников, выпил и я несколько бокалов «Монтебелло», которое не только заставило меня расчувствоваться, но даже слезу уронить... Такова сила картин прекрасной возрождающейся природы! Ведь не может же быть, чтобы лишь название нектара, напоминающего великую победу, что как утренняя зорька перед восходом солнца блестит в истории перед еще более блестящей победой, одержанной на полях Маренго, или воспоминания о кровавом бое под Эсслингом были причиной моей повышенной чувствительности.

Но раз речь зашла о шампанском, должен тебе сказать, что не знаю, где его больше пьют: в Шампани, в любом другом месте пропорционально к населению (замечу, кстати, что последователи Магомета отдают ему большую честь) или в Семипалатинске? Представь себе, что в течение четырех дней, куда бы нас только ни приглашали на завтрак, обед, чай, кофе или преферанс, повсюду «Клико», «Монтебелло» и «Силлери» заменяли квас и воду. Даже на мельнице и кожевенном заводе (за будущий помол и выделку кожи) тосты поднимали только шампанским! Наконец, вот тебе исторический факт: на свадьбе одного купца за здоровье молодых опорожнили 1500 бутылок!

Видел я здесь пять рогатых животных, которые на днях прибыли из Тибета и, отдохнув немного после трудностей похода, должны идти в Петербург. Животные эти, невысокого роста, косматые, с широким коротким хвостом, известные в этих краях под названием «кудасов»⁴, дают много хорошего молока. К редкостям, особенно привлекшим мое внимание, можно отнести также:

1) собственноручный рисунок Палласа, изображающий этого известного путешественника по Сибири разговаривающим с бурятами в их юрте;

2) несколько фраз, начертанных в одном альбоме рукой Гумбольдта во время его пребывания в этом городе;

⁴ Автор имеет в виду яков.

- 3) несколько фазанов с берегов Балхаша;
- 4) несколько архаров с Аркатских гор;
- 5) маленькую римскую монету 101 года христианской эры.

Вот все, что вместе с шампанским представляет старый и новый свет – Азию и Европу. Немного, правда, но разве недостаточно для этих далеких сибирских мест, лежащих на самом краю европейской цивилизации?

Прекрасная погода делает наше пребывание в Семипалатинске очень приятным. Его гостеприимные жители помогли нам забыть о холоде и трудностях, испытанных во время путешествия из Омска. Но вот приходит весть, что кони из ближайших киргизских аулов пригнаны и ждут нас на другом берегу Иртыша. Значит, завтра ставим крест на цивилизации, обрекаем себя на все неудобства, приключения и опасности кочевой жизни, но *fortes fortuna juvat!*⁵

Будь здоров!

УРОЧИЩЕ КАК, 22 мая. ПИСЬМО БРАТУ

Милый Януарий! 19 мая, в час пополудни, закончив все наши приготовления к степному путешествию, мы подъехали к берегу Иртыша, который в этом году из-за скопления льдов поднялся до такой высоты, какой и не помнят жители Семипалатинска.. Один богатый киргизский купец, имеющий свой дом на другой стороне реки, в так называемой Тушкинской слободе, узнав о времени нашего выезда, специально приехал сюда для знакомства с Виктором и приглашения его на чай. После обычных для восточного приветствия фраз он сказал ему: «Если бы не слышал я о тебе столько хорошего, никогда бы не приехал тебя встретить; скажу тебе откровенно, что хотя и бывают у меня знатные лица – есаулы, полковники, генералы, я не привык ради них подниматься с места». После такого комплимента он сел в лодку и отплыл к себе. А мы, попрощавшись со знакомыми, Семипалатинском и Сибирью (прощание не обошлось, *comme de raison*⁶, без шампанского), взошли на паром, который содержат татары [4], и, несмотря на необычайно высокую воду, после часового плавания, значительную часть которого я проспал, высадились на киргизском берегу. Здесь мы застали табун коней для нашей колымаги и казаков, составляющих наш вооруженный отряд. Ожидавшие уже на берегу дрожки повезли нас к тому купцу, и мы провели у него около часу, гостеприимно потчующие урюком, кишмишом, финиками и, увы! снова шампанским! Снова Монтебелло, вырвавшее туго забитую пробку и метнувшее ее за занавеску алькова, где укрывались скромные черноокие дочери последователей Магомета, с шумом полилось в высокие бокалы, и мы, несчастные, должны были опрокидывать их за здоровье хозяина, счастливое возвращение его караванов из Ташкента, наконец, за собственное здоровье и счастливую дорогу! После этой пирушки мы сели в повозку, и пятерка киргизских коней понесла нас в степь по караванным путям, ведущим к Чугучаку, а киргизы и казаки, сопровождающие нас верхами, пустились вскачь. Невольно пришел мне на память мицкевичевский сонет:

Я выплыл на простор сухого океана...

⁵ Fortes fortuna juvat – храбрым всегда везет (лат.).

⁶ Comme de raison – разумеется (франц.).

Но продолжать я не мог, так как у Мицкевича дальше:

Возок мой, как ладья, ныряет по волнам
Шумящих буйных трав...

Здесь было наоборот – во все стороны простиралась степь, желтая, ровная, заросшая лишь колочей травой и полынью. Повстречали мы, правда, несколько обработанных нив. Переменив три или четыре раза лошадей, которые, не будучи приспособленными к хому, после нескольких верст уставали и еле тащились, к вечеру мы все же прибыли в первый аул, расположенный неподалеку от могилы Бозая, в урочище Караванкуль. За четверть часа нам поставили юрту, в которой – первый раз в этом году – пили мы кумыс [5], это киргизское шампанское, и под прикрытием ее колыхающегося купола провели первую ночь в степи.

Наутро шум стада, крик уток, перепелок и пение жаворонка разбудили меня еще до восхода солнца. Прежде чем встал Виктор, я вышел с ружьем к ближайшему озеру. Один из сопровождающих нас киргизов, бледный как мертвец, жаловался, что у него «курсак пропал», что должно было означать на его русско-киргизском наречии, что он страдает от страшных болей в желудке, и просил у меня лекарства. Но товарищи его утверждали, что ему никакое лекарство не поможет, так как он одержим дьяволом.

После моего возвращения с одной уткой съели на дороге кусок баранины без хлеба и двинулись дальше: я в сопровождении своего флигель-адъютанта Амантай⁷, а Виктор с волостным управителем Увак-Кереевской волости, почтенным стариком, сильно напоминающим еврейского раввина, Канаем, в повозке, что безмерно осчастливило нашего киргиза, который эту любезность Виктора расценивал как честь, высоко поднимающую его в глазах соотечественников, хотя это удовлетворение самолюбия обошлось ему очень дорого, потому что, как он сам потом с улыбкой признался нам с Виктором, он всю дорогу испытывал страшные муки, поскольку не знал в своей жизни другой езды, кроме верховой...

Первый раз после шести лет сидячей жизни вскочил я на коня и в неслыханный зной пустился по степи. Амантай, не умея скрыть радости, что дышит свежим воздухом своей пустыни, скакал на жеребце то туда, то сюда, забавляясь, словно наш студент, едущий на каникулы. Я получил не меньшее удовольствие, несмотря на печальные мысли, которые при воспоминании о родной стороне теснились в моей голове.

Ехали мы по берегу озера Караван-Куль, на островках которого столько утиных, гусиных, лебединых гнезд, что нет свободного места для следа человека. Канай по этому поводу сделал замечание, способное поставить в тупик самого Жоффруа де Сент-Илера: «Как это птица, среди такого множества гнезд, сразу может попасть в свое?» Невдалеке за озером голубели горы Джельбиге-Тау, кое-где еще пестревшие от снега. Вязкий грунт трясин, известных в Сибири под названием «солонцов», сильно затруднял продвижение, особенно в это время года, и часто принуждал нас заезжать в аулы для перемены лошадей. Эти визиты не всегда приходились по вкусу киргизам. В одном ауле все население выразило по этому поводу свое неудовольствие нашему баши, который нас туда привел; прекрасный пол ругал его немилосердно. А один из старейшин выступил с такой речью: «Ну,

⁷ Молодой киргиз, служащий у Виктора. – Прим. автора.

что ты хорошего сделал? Нужно ли было доставлять большим господам столько неудобств в такую-то жару? Обречь их на жажду, ведя по дороге, лишенной хорошей воды, когда есть более короткая и лучшая?»

Наконец после нескольких часов путешествия, переплыв быстрый Чар, мы остановились в урочище Как, среди кочевий айкимбет-сиванкереев. Тут нас приветствовал их волостной управитель Бейсеке, провел в большую, уже несколько дней как приготовленную юрту. Эта первая скачка меня так замучила, что, сойдя с коня и опрокинув в себя две китайские чашки кумыса, обливаясь потом, почувствовал нечто вроде дурноты... Я не мог удержаться на ногах, разделся до рубашки и, снова хватив кумысу, упал на кошму, думая найти отдых во сне, но чрезмерная усталость и жара долго не давали мне заснуть. Под вечер я, однако, почувствовал себя лучше, только руки и ноги мои, отвыкшие за столько лет от конной езды, невыносимо болели.

В сумерках мы стали готовиться к чаепитию, но сколь горьким было наше разочарование, когда Амантай вбежал с сообщением, что в водоеме, выкопанном в соленом грунте, кони и коровы так замутили воду, что ее нельзя наливать в чайник. Поэтому пришлось дожидаться ужина, во время которого Виктор, как большой знаток киргизского этикета, сердито выбралил меня за нарушение правил: я подставил руки под струю воды для мытья вместе с ним, а надо было, о чем я не знал, мыть каждому по отдельности, да не стоя, а присев на корточки. И вторая такая же важная ошибка: я вел себя, как голодный пес, набросившись на еду, стал грызть бараний мосол, в то время как хорошо воспитанный человек должен обрезать его пшакком – ножичком, всегда специально для этого висящим на поясе у каждого киргиза. Несмотря на этот выговор, мне удивительно вкусным показались и тостик (запеченная на углях баранья грудинка), и куырдак (род зраз, поджаренных на бараньем сале), и бишбармак (мелко нарезанное баранье мясо, варенное в шурпе, то есть в супе из баранины), казы (конские колбасы), и тому подобные деликатесы киргизской кухни. Правда, ночью мне снились форшмаки, бифштексы, бламанже, желе и разные специи семипалатинских обедов, но ни эти воспоминания о цивилизованной гастрономии, ни даже безрезультатное нападение барантачей на табун коней нашего хозяина не сумели разбудить меня от глубокого сна, полностью восстановившего мои силы.

Когда мы после ужина закурили сигары, один любопытный киргиз спросил у Виктора:

– Что ты куришь?

– Сигару.

– Что это такое «сигара»?

– Скрученный табак.

– А сколько она стоит?

– 5 копеек.

– А сколько ты в день выкуришь сигар?

– Бывает, пятнадцать.

– О глупец! Лучше бы ты эти деньги в карман спрятал.

На такое *dictum acerbum*⁸ ответить было нечего.

Ранним утром завыл ужасный ветер и полил дождь, но около полудня небо прояснилось, а весеннее солнце почти в мгновение ока осушило размякшую степь.

⁸ *Dictum acerbum* – горькая истина (лат.).

Я вышел из юрты оглядеть окрестности. О, как пусто и грустно, ни одного деревца поблизости! Только кое-где колючие кусты карагайника⁹ и синеющий вдали Джельбиге-Тау разнообразили эту пустыню. Но если вид ничем не оживляемой природы наводил тоску, то, с другой стороны, толпа киргизов, прибывших из соседних аулов, отгоняла грустные мысли и бесконечно занимала меня.

Поводом этого собрания киргизов было дело, именно для которого мы сюда и прибыли и которое я тебе кратко опишу.

Несколько киргизов от своего имени, а также от имени сорока пяти своих сородичей подали пограничному начальнику просьбу, жалуюсь, что Бейсеке, являющийся волостным управителем, угнетает и тиранит их, и добивались, чтобы вместо него позволили им выбрать старшину Койчубая. Пограничный начальник, желая удостовериться в справедливости этих жалоб, поручил Виктору разобраться на месте в существе дела и обратить особое внимание на то, не являются ли эти жалобы вымыслом Койчубая, который год назад домогался этой должности, но большинством голосов был отвергнут. Дело это отняло у нас несколько дней, потому что поднялись для борьбы две враждебные друг другу партии. Пробудились все интересы и страсти. Каждую минуту выступали новые ораторы, и некоторые из этих степных демосфенов захватывали меня своей выразительностью и полной энергии речью. Старшина Токумбай и сам Бейсеке сгибались бы под тяжестью лавров, если бы жили в Древней Греции или Риме. Но чтобы ты имел более полное представление об этих публичных выступлениях, я бегло обрисую тебе все это.

Лишь только наша юрта наполнилась киргизами, Виктор открыл заседание соответствующей речью и, пересказав содержание поданной пограничному начальнику просьбы, спросил: «Кто ее сочинил и писал?» Все одновременно закричали, что автором ее является состоящий при Койчубае секретарь, молодой мулла. Последний подтвердил, что действительно он написал проект жалобы со слов старшин, которые на ней отписали свои печати, а плебс поставил свои тамги [6] (знаки родов, например, + ⊙ □ √ и т. п.); на просьбе же, переписанной начисто, вместо тех и других он собственноручно приложил их печати и тамги. Сразу же несколько десятков киргизов, поименованных в просьбе, закричали так, что юрта дрогнула, что, не имея ни малейшей претензии к Бейсеке, никогда своих знаков не ставили против него, что некоторые из тех, чьи печати стоят на жалобе, уже лет десять как умерли... После такого протеста один из старшин, человек среднего возраста, бедный, но благородной внешности, с быстрыми и черными как уголья глазами, по имени Токумбай, который до того времени молчал, не мог более сдержать своего гнева и нетерпения, несколько раз сплюнув и потеряв ладони, встал и заговорил с огромным энтузиазмом, приписывая эту жалобу интригам Койчубая.

– Это твое дельце, Койчубай! Ты давно хочешь управлять нашей волостью, но мы, хорошо зная твои свойства, отвергли тебя... Сегодня ты снова хочешь насильно навязать нам себя... Чтобы посеять вражду, ты замутил мир между людьми и потребовал расследования.

Это по твоей милости столько киргизов должны были бросить свои юрты, свои табуны, детей и жен, ехать в рабочее время из далеких аулов; некоторые даже пешком пришли. Все мы должны терпеть трудности и голод. Собрались мы тут

⁹ Из рода стручковых, есть два его вида: один цветет розовыми, другой желтыми цветами. Повсюду употребляется для топлива. – *Прим. автора.*

и объели бедный аул, а им самим есть нечего. Это ты, обязательно желая стать нашим ел билеуши ¹⁰, помчался в Омск обивать пороги у пограничного начальника, Турдубека и Курбанака ¹¹. Это ты за Иртышом не жалеешь лести русским, а прицепив сбоку купленную за 20 рублей саблю и повесив на шею какой-то деревянный орден, хвастаешь и играешь перед киргизами роль какой-то важной персоны... О! Да я твоего покойного отца!..

Тут посыпался такой град «комплиментов», каких мое ухо еще никогда не слышало. Эта филиппика произвела мощное впечатление на слушателей. Токумбай выпалил ее с энергией и жестикуляцией, свойственной большим ораторам, раз даже передразнил Койчубая, как он лебезит перед российскими чиновниками, и закончил, воскликнув несколько раз: «О мурдар! мурдар!» (пакостник). Потом, немного переведя дух, обратился к народу и сказал: «Говорите, какие у вас жалобы на Бейсеке?», а поскольку все молчали, он крикнул:

– Что же это? Или вам Койчубай навозом рты залепил? Говорите!

Тут люди постарше отозвались:

– Все мы довольны Бейсеке и не хотим другого ел билеуши.

Койчубай же, разбитый молниеподобным нападением степного трибуна, видя, что его никто не поддерживает, только краснел, поминутно отстреливаясь одним, неизменным в устах этого киргиза, скверным ругательством. Однако победа его противника еще не была полной. Вскоре на поле боя вышло около пятидесяти киргизов, среди которых было трое старшин из партии Койчубая. Они начали жаловаться на Бейсеке. Поднялся страшный шум, все кричали разом, так что пришлось вывести недисциплинированное собрание из юрты, и под открытым небом образовался круг, посреди которого сел Виктор, рядом с ним я, мулла и Канай, который, как управитель соседней волости и муж, повсюду уважаемый, играл роль посредника, старающегося примирить растревоженные умы.

Тут поднялась еще более страшная буря: одни кричали, требуя оставления Бейсеке, другие орали, домогаясь новых выборов. Когда оказалось, что невозможно утихомирить разбушевавшиеся волны этого моря, и когда руководители партий заявили, что не все еще киргизы в сборе, Виктор отложил собрание на завтра, а тем временем они приказали, каждый от своей стороны, зарезать по кобыле. Посредник же принимал все меры, чтобы сблизить их между собой. Знакомый с этой дипломатической интервенцией увак-кереевского волостного управителя, Токумбай снова так яростно выступил против Койчубая, что тот сел перед ним, снял шапку и попросил у него прощения. Остаток дня и всю ночь продолжались шумные сборища и совещания – то под наметами, то в кустах а la la belle etoile ¹².

Назавтра собрание удалось начать лишь около полудня, так как народ, подкрепившись вкусными кусками бедных кобыл, спал как убитый. Снова образовался большой круг, но уже из одних только сторонников Бейсеке, так как вожди противной партии, сообразив, что большинство не на их стороне, решили выступить со своими жалобами позднее. Весь круг единогласно грохнул: «Мы довольны Бейсеке! Он наш благодетель. Хотим, чтобы и дальше он управлял нами!»

¹⁰ Ел билеуши – волостной управитель. – *Прим. автора.*

¹¹ Первый – советник Пограничного управления со стороны киргизов, а второй – толмач при пограничном начальнике. – *Прим. автора.*

¹² Под прекрасными звездами (франц.).

И хотя большая часть подписей фигурировала на просьбе, поданной против него, все, однако, объяснили, что подписи поставлены без их ведома и согласия. Вызванный статс-секретарь Койчубая, автор упомянутой просьбы, страшно смутился, когда Токумбай, введя его в круг, подводил ко многим киргизам и с грозным выражением лица и искрящимся от гнева взором спрашивал: «Этого ты знаешь? Этого ты знаешь?» А он не только не знал их, но и видел-то их в первый раз в жизни и не мог назвать их имен. Бедняга словно язык проглотил, а когда Виктор вскользь сказал, что этот его поступок на основании такого-то параграфа права ... пахнет карабином, который ему придется таскать всю жизнь, он едва нашел силы на слабое оправдание, что во всем виноваты сами старшины, которые велели ему писать просьбу и класть тамги.

В упоении ходил Бейсеке среди собравшихся, пожимая каждому руку, как некоторые наши депутаты, избранные на второе трехлетие.

В то время, когда все это происходило, по другую сторону нашей юрты был создан кружок, составленный только из политических друзей Койчубая. Во главе их встал Ералы, старшина, завзятый противник Бейсеке, молодой, чрезвычайно интересный мужчина. Но напрасны были все его усилия предъявить какое-либо серьезно обоснованное обвинение Бейсеке. Все претензии, какие огласил тот кружок, были лишены основания и, видимо, выдуманы. Самым главным было: «Мы его не любим».

Тем временем посредник Канай степенно ходил со словами мира и согласия от одного круга к другому; каждую минуту казалось, что сейчас наступит мир, но вожди вновь вспыхивали и припоминали один другому давние обиды, сыпали тысячами колкостей и упреков, а когда и это было исчерпано, Койчубай начал кичиться своими предками. Надувшись, словно павлин, он хвалился, что много сделал услуг Паше (царю), как, например, на заречной стороне, где сам обычно кочует, поставил мельницу, давал сено казачьим коням, не раз помогал деньгами крестьянам и казакам.

На такую похвалу Бейсеке, разразившись смехом, ответил:

– О Койчубай! Отец твой ел русский тезек, а мой ловил и ел сурков; дадим же мир праху наших отцов, а поговорим лучше о себе. Когда ты был еще в пеленках, я уже крал коней, и у меня их крали; мой отец ничего не имел, а у меня теперь тысяча коней, и красть я перестал, но приобретение их стоило мне трудностей, опасностей и риска для жизни. Когда ты, возя для русских сосновые бревна, получал разве что веткой по лбу, я свой лоб сто раз подставлял железу. Не в одной битве побывал! Гляди на мои раны: все они от айбалты! Я заслужил среди киргизов свою славу, и поэтому нынче их начальник. Спроси на этой стороне Иртыша, кто сильнее, кто смелее меня? Твои услуги, оказанные Паше, смешны. Если ты поставил мельницу – так тебе же от этого польза. Если дал каких-нибудь 20 фунтов сена для казачьих коней – это тоже не велика щедрость, я же для своих делаю, которым никто не помогает.

Тут, обернувшись к нам, он сказал:

– Видите мой народ? Моих оборванных, ободранных; были бы они живы, если бы не я? Видели вы людей Койчубая? Бедные, голодные... кто их кормит? Никто! Спросите, кого хотите, от Семипалатинска до Бухтармы, кто такой Бейсеке? Все меня знают, все скажут, что я делюсь моим достатком со своими... Могут сказать: «Бейсеке – вор»! Но скажут также: «Бейсеке честный, Бейсеке порядочный, человечный!»

Судите же теперь сами, кто делает большую услугу Паше: я ли, кто платит ему ясак с тысячи коней 350 рублей ассигнациями, кормит киргизов, которые являются его подданными и благодаря моей помощи также платят ясак, или Койчубай со своей мельницей и сеном?

Он замолк, и только несколько ругательств, все тише бросаемых своему противнику, долетело до нашего слуха. Но когда тот отозвался, что и он, как говорится, «не вылетел у сороки из-под крыла», что и он бывает в гостях у казачьего полковника, что его хорошо принял генерал и у него подарок от князя – трубка с чубуком... Бейсеке с запальчивостью прервал его: «Обнимайся, обнимайся, братайся со своими полковниками, генералами, князьками; я – киргиз и хочу всегда им остаться». Наконец, обернувшись к Виктору, он сказал: «Ты! Или выпусти из меня кровь, чтобы ни капли не осталось в жилах, или сдери кожу с Койчубая, так, чтобы на ней шерсть не росла. Иначе у нас никогда ладу не будет!» После этого энергичного нравоучения, основанного на не совсем лестном для моего друга предположении, что его суд можно превратить в застенок, Канай серьезным голосом произнес: «Слушайте! Я у тебя, Бейсеке, никогда не ел барана! И ты меня не угощал, Койчубай, в своей юрте! Я всего лишь ваш сосед, доброжелательный к обоим и желаю мира между вами. Чего вам ссориться? Вражда приведет вас к гибели!...»

Используя обстоятельства, Виктор рассказал им сказку об умирающем отце, который, призвав своих сыновей, каждому из них в отдельности давал ломать прутик, что они с легкостью выполняли. Но когда он потом дал им сразу пучок прутьев, ни один из них ничего не смог сделать. Из этой сказки он извлек мораль. Ее азиатский дух произвел большое впечатление на киргизов. Сказку Виктора приняли с громким одобрением, крича «барекельде!» А Бейсеке, решив, видимо, выступить в подобном жанре, медленно произнес: «Я и Койчубай забросили каждый свою удочку в колодец... Сидим оба теперь над его краем... Время покажет, кто из нас вытащит щуку!» На наш вопрос, что означает этот колодец и удочка, он ответил: «Колодец – это ты, пулкундык (киргизы называют Виктора полковником), а удочка – пограничный начальник». Несмотря на то, что мне эти аллегории показались чересчур темными и глубокими (может быть, особенно потому, что я никогда не видел щуку в колодце), сказка, однако, очень понравилась слушателям, они осыпали его знаками своего удовлетворения, и оратор, возвращаясь на свое место, имел честь, как Тьер или Гизо, сходящий с трибуны, получить поздравления не только своих сторонников, но и со стороны оппозиции.

Я подумал, что на этом деле конец, как вдруг с растрепанными волосами, плача и стеноя, в юрту вбежала старая киргизка, страшная, как мегера, жалуясь на Бейсеке, будто его работник Байжан по приказу своего господина отнял у нее среди бела дня саукеле [7]¹³ и фанзовую рубашку¹⁴. Чтобы убедиться в справедливости ее жалобы, мы вызвали несколько десятков киргизов, среди них посадили Байжана и позвали ее, чтобы она его указала. Баба наша, несколько раз обойдя круг, выбрала совсем другого, непохожего на Байжана человека, говоря: «Вот это Байжан, который меня ограбил». И когда эту ведьму, даже противники Бейсеке, униженные этим случаем, уверяли, что она ошибается, она оправдывалась тем

¹³ Женский головной убор наподобие сахарной головы, стоящий иногда 2 или 3 тысячи баранов, осыпанный дорогими камнями, жемчугом и золотыми монетами. – Прим. автора.

¹⁴ Фанза – шелковая китайская ткань. – Прим. автора.

удивительным доводом, что он переменял халат, и она не смогла его узнать. Бейсеке хотел еще доказать, что даже и ее прабабка-то ни саукеле, ни фанзы не имела, но не получил возможности блеснуть своим красноречием, поскольку смущенная правнучка оставила форум, жалуясь на людскую несправедливость.

Когда же средство, основанное, видимо, на принципе: «Где черт не сумеет, туда бабу пошлет», не помогло обвинить Бейсеке, Койчубай торжественно объявил, что в знак примирения хочет обменяться с ним халатами. Когда Бейсеке согласился на это предложение, оба сбросили с себя халаты, метнув этот особый трактат примирения в нас, и стали просить, чтобы мы его взяли в память о такой важной минуте. Но мы отказались от выполнения их просьбы, основываясь на статье Права «о взятках», и каждый из них надел на себя халат своего противника, а борьба партий закончилась тем, что два руководителя пили кумыс из одной посуды, и снова две бедные лошади пали под ножом для угощения проголодавшегося парламента. Мы же, описавши всю историю, представили ее «по порядку»¹⁵. Кто вытянет щуку – казалось уже несомненным. Тем временем для дополнения твоего представления о моих героях я приведу еще несколько деталей, которые сделают понятными для тебя некоторые черты киргизского быта.

Бейсеке и Койчубай, как курдасы, то есть однолетки, ровесники, были когда-то большими друзьями и не раз в своей молодости вместе занимались барантой. Курдасы могут говорить друг другу разные глупости, на которые никто из них не имеет права обижаться. Но когда оба впали в амбицию и каждый пожелал стать волостным управителем, ненависть разожгла огонь в сердцах побратимов до такой степени, что каждый раз, встретившись, один другому не жалел обидных слов. Койчубай забыл обычай курдасов, разорвал его, хватив Бейсеке по лбу айбалтой. Бейсеке упал с коня, но, встав, облитый кровью, поклялся мстить.

Результаты его клятвы противник уже чувствовал неоднократно. Несмотря на сегодняшний обмен халатами, она обязательно при любой случайности даст свои кровавые плоды. Тем более, что оба горды и бешеного нрава. Бейсеке рассказывал нам, что шестнадцатилетним, когда он еще крал коней, как делают смолоду все его сородичи, считая это для себя возможностью выделиться и обучиться рыцарскому ремеслу, был пойман среди чужого табуна. Привязанный, а точнее, распятый на керегах юрты, был потом избит так, что не знает, били когда-либо кого-нибудь ужаснее, чем его, и не понимает, каким чудом Аллах сохранил ему жизнь. Однако, несмотря на эту операцию, на широкий шрам от раны, которую ему нанес Койчубай, и множество шрамов, свидетельствующих о стычках в степи, здоровье его не только не понесло ущерба, но, напротив, силы его окрепли до такой степени, что он слывет Геркулесом в Аягузском округе.

Страшной будет когда-нибудь его встреча с Койчубаем, тем более, что этот лев временами может прикинуться лисой. Он рассказал нам, что приехали как-то к нему два киргиза с просьбой возместить им десять украденных коней. Он же, как уверял нас, чувствуя себя в этом случае неповинным, не хотел платить за чужую покражу. Те, видя его упорство, предложили ему поехать с ними на джугуну, то есть суд биев. Мой невинный барашек охотно согласился на это, но говорит: «Покажу я им джугуну!» Сел на коня и, взяв с собой приятеля, двинулся в путь. Проезжая мимо могилы известного некогда бия Тана, мудрым и справедливым приговорам которого все подчинялись, придержал коня, слез и, взойдя на кур-

¹⁵ Вписано по-русски, смысл – «по начальству».

ган, вызвал одного из жалобщиков, чтобы подал свою руку, что по киргизскому обычаю означало вызов для торжественной присяги над мертвыми останками, лежащими под ними, в том, что действительно Бейсеке, он, а не кто другой украл коней. Глупец дал себя обмануть этим приглашением: подал ему руку, которую Бейсеке стиснул своей железной клешней, приказав тем временем своему приятелю лупить камчой так, что, услышав вопли, оставшийся сидеть на коне киргиз рванул с места что сил хватило. Избитый до потери сознания обвинитель Бейсеке навеки забыл и о джугуне, и о своих десяти конях.

Хватит, однако, нескончаемых присказок, которые я должен писать на коленях, словно какой-нибудь вождь, составляющий свой рапорт с поля боя. Непривыкший к этому новому для меня столику, я чувствую себя измученным, как Канай, когда вылез из нашей повозки. Я должен отдохнуть, и потому – будь здоров!

УРОЧИЩЕ КАК. ПИСЬМО БРАТУ

Дорогой Януарий! Прежде чем я покину аул айкимбет-кереев, среди которых время мое проходит немного сноснее, чем в Омске, еще раз беру в руки перо, чтобы переслать тебе братские объятия и поговорить с тобой об окружающих меня предметах.

Киргизы этого округа уже более месяца как бросили свои кыстау, то есть зимние стоянки. Нет для них более приятного дня в году, чем тот, когда после нескольких месяцев пребывания на одном месте они могут свои юрты, примерзшие к земле, сложить на горбы верблюдов и со всем своим имуществом, с табунами коней, стадами коз и овец начать длительное путешествие, которое окончится только с приходом снегов и морозов.

Этот день для них – день счастья и всеобщей радости.

Ранее грустный, скучный, прокопченный дымом киргиз теперь с веселым лицом садится на своего лучшего скакуна и с молодеватым видом вьется на нем среди выступивших в поход.

Его загоревшая у неустанно пылающего очага половина надевает самый красивый халат, самую богатую саукеле и, словно караванбаши, ведет за собой вереницу верблюдов, несущих на своих горбах походный дом киргиза, все его вещи и достаток.

Девушки рады, что выбрались из-под закопченного купола юрты, где их прелести увядали, как цветы в темнице. Распустив по ветру многочисленные косички курчавых волос, гарцуют они на гибких скакунах под огромным сводом небес.

Дерзкие и своевольные юноши, погружая горящий взор в черные очи своих подруг, пускаются на соревнования с ними, но триумф нелегок, так как пригожие амазонки летят по степи, как стрелы, и болезненный удар камчой, часто приходящийся по лицу, останавливает самую дерзкую погоню.

Малые дети, что во время сильных морозов лежали, зарывшись в золу очагов, радостно кричат, смеются и, выглядывая из люлек, привязанных на боках верблюдов, забывают о страданиях, которые они познали в своеобразных пеленках, горячие объятия которых оставили на их телах не одно воспоминание. Табуны, отошавшие на скудном зимнем корме, который они с большим трудом должны были выгребать копытами из-под снежных сугробов, нанесенных мощными буранами, разноголосым ржанием поддерживают радость своих хозяев.

Даже пес, самое презренное и несчастное существо у киргиза, что за верные услуги часто по нескольку дней и кости не видит, охотно бежит за стадом, мечтая о полевых мышах, своей обычной пище.

Одним словом, этот первый выезд с места весной – словно воскрешение киргиза из мертвых, возрождение Феникса из пепла.

Сама степь, глухое молчание которой до этого лишь временами нарушал пронзительный свист метели, неожиданно оживает, ибо на всем ее неизмеримом пространстве разносится торжественный звук киргизской песни.

Таков бледный набросок кочевья пастушеского народа.

Волость, гостями которой мы являемся, кочует со времени оставления своих зимовок уже на третьем месте и занимает в настоящее время многоверстное пространство на обоих берегах Чара.

Используя свободное от службы время, я навестил ближайшие аулы, чтобы лучше познакомиться с жизнью, так отличающейся от нашей, с жизнью, которую мое воображение рисовало в самых ярких красках. Но не все то золото, что блестит! В каждой юрте я надеялся найти счастливых аркадских пастушков... Увы! Редко в которой из юрт взор мой не встретил печальных картин нищеты и болезней, изнуряющих бедное население. Почти во всех черных юртах (потому что богатые живут в белых) лихорадка. На детях оспа, короста, нарывы. И все это только собственными силами должно бороться со страданием, так как наука Эскулапа, отданная здесь в руки глупых и невежественных баксы, употребляет способы лечения, отмеченные большей частью печатью шарлатанства и знахарства.

Сердце разрывается при виде стольких мучеников, просящих о помощи. На наше счастье, мы смогли некоторым из них принести облегчение. Виктор, имея при себе запас порошков рвотного, хинина и других, нескольким больным лихорадкой дал их принять, наказав соблюдать строжайшую диету, а не испорченная еще нашей изысканной пищей натура этих людей помогла быстро победить болезнь.

На весть об этих волшебных лекарствах моего импровизированного Гиппократа сбегались толпы больных из окрестных аулов. Их привозили на конях, коровах, верблюдах, а самых слабых – на двухколесных таратайках, называемых арбами. Все просили порошков, что приносят лучший результат, чем молитва муллы и заклинания баксы. Вылеченные благодарили в самых горячих выражениях.

Это большое количество больных лихорадкой ничто по сравнению с другими страшными болезнями... Лихорадка, как уверяли нас, свирепствует только с начала весны; летом же влияние свежего воздуха, движение, кумыс избавляют больного от нее и без помощи лекарственных средств; от оспы, которая уносит ежегодно множество жертв, киргизская медицина не знает никакого средства, а великое открытие Эннера для них еще страшнее, чем сама болезнь, поскольку на практике суеверие ставит оспопрививанию неодолимую преграду. Кого затронет яд оспы, тот может прощаться с жизнью; отделенный от здоровых, он не получает от них никакой помощи; родные бегут от него, как от зачумленного, и если кто из жалости принесет ему еду или питье, то ставит поодаль. И несчастный обязательно должен погибнуть, если сам Аллах не исцелит его.

Но хватит этих глупых картин, с которыми я встречаюсь на каждом шагу, посещая оборванные, дырявые как решето, лишённые всяких удобств жилища

беднейшего класса здешних киргизов. О классе богатых в этот раз ничего не скажу, поскольку не имел возможности заглянуть в белые юрты, во-первых, потому что они тут лишь кое-где сверкают среди множества черных; во-вторых, этикет не позволяет не только кафиру (неверному), как я, но даже соотечественнику войти в юрту киргиза, играющего роль джентльмена, не будучи заранее им приглашенным. Джатаки [8] (бедняки), как всякие бедные на свете, не придерживаются такого строгого этикета; этой-то снисходительности я и обязан тем, что видел (поскольку это грызло мне душу)... киргизское горе во всем значении этого слова, еще увеличивавшееся в моих глазах при виде их ужасающей нищеты.

Позапрошлой ночью барантаци [9] вновь напали на табун, который пасся поблизости от нашего становища. Крики: «Аи! Гай! Аблай! Аблай!», с одной стороны, и шум, поднятый пастухами, – с другой, сразу взбудоражили все население аула; люди, вскочив на коней, привязанных на всякий случай возле юрт, пустились к месту шума. Но не успели они доскакать, как нападавшие, захватив восемь коней и используя темноту ночи, бежали, угнав их с собой.

Последняя ночь прошла спокойно, но (если правдиво предположение нашего хозяина) единственно потому, что вчера днем шел дождь. Ergo: шайка воров, кружащая в это время в окрестности, не сумела бы проехать на своих уставших конях через вязкие трясины и – что еще хуже! – оставила бы на них заметные следы, которые бы ее выдали и дали возможность выследить. Опасность, однако, висит над нами. Только что на взмыленном коне прискакал киргиз, который несколько часов назад случайно угодил на сорок с лишним барантачей, отдохавших в долине всего лишь в 20 верстах от нас. Все вооружены копьями, четверо из них долго гнались за ним. Вид их седел заставляет подозревать, что эти барантаци – басентинцы из Баян-Аульского округа.

Бейсеке, ожидая их нападения, послал во все стороны разъезды, соседним аулам приказал быть наготове. А мы, со своей стороны, приняли меры предосторожности. Я бы очень хотел быть свидетелем ночного боя, который, по словам Виктора, представляет великолепную картину ада со страшным шумом и ревом его разгневанных обитателей. Нетерпеливо ожидая ночи, я теперь бросаю перо и начинаю готовить свое оружие.

24 мая (продолжение)

Ватага степных корсаров, должно быть, пронюхала о порохе, всыпанном в мои пистолеты к оловянным пулям, так как в эту ночь не пытались напасть на нас. Однако, ожидая каждую минуту нападения, мы были *sur le qui vive*¹⁶, проводя время в беседах с киргизами, которые, рассевшись вокруг очага, не жалели нам вопросов по разным предметам. Виктор, отлично владеющий их языком, должен был обязательно отвечать на все вопросы, а его ответы выслушивались, как приговоры, и принимались с шумным удовлетворением, среди беспрестанных выкриков: «Ой-бой! О, апырым-ай!» Все они удивлялись его глубокой мудрости и не могли в простоте душевной понять, как такая масса разума и сведений может поместиться в одной голове.

Но ничто не произвело на них большего впечатления и не получило такой высокой оценки гения моего друга, как то, когда по поводу поднявшегося разговора о баранте он в лицах представил всю процедуру этого благородного ремесла: каким способом киргиз обычно подкрадывается к чужому табуну –

¹⁶ *sur le qui vive* – наготове (франц.).

пешим или на коне; как, ползя по земле, прислушивается, спят ли пастухи; как, убедившись в их осторожности и боясь за свои бока, броском шапки назад, за себя, подражает взлету дрофы или журавля; как, наконец, несмотря на эти и тому подобные средства осторожности и хитрости, пойманная пташка играет роль невинной и т. д. Эта сцена, исполненная артистически и с глубоким знанием дела, до слез рассмешила самых важных киргизов, и не знаю, был ли на свете партер, более довольный своим самым любимым актером, чем слушатели Виктора. Один из них крикнул: «Пулкундык! Да ты сам ездил на баранту и крал коней, или ты чародей, если так досконально знаешь самые сокровенные тайны нашей степной жизни!» Виктор ничего не ответил на этот комплимент, встал и, обойдя круг сидящих с открытыми от удивления ртами, указал пальцем на одного слушателя и сказал:

– Вот это вор! Он уже не одного коня украл, и не одного еще украдет!

Если бы весь свод небес со всеми своими старыми и новыми планетами, кометами и звездами обрушился на голову этого киргиза, то не поразил бы его сильнее, чем эти неожиданные слова Виктора. Бедняга онемел и струхнул. Все собравшиеся закричали: «Правда! Правда!», а самый большой краснойбай Токумбай добавил: «Что нам перед тобой скрывать, когда ты знаешь, что у нас есть, что было и что будет».

Ты, вероятно, понял, что Виктор обосновал свое утверждение на подозрительной физиономии киргиза, а случай судил, что он угадал лучше, чем это случилось самому Ляватуру.

Киргизы были, однако, по этому поводу совсем другого мнения. Не умея объяснить, каким чудом человек, не будучи сам вором или колдуном, может вынести такой безошибочный приговор, они молниеносно пришли к мысли, что Виктор только прикидывается кафиром, а на самом деле является правоверным сыном Магомета. И вот один из биев зацепил его с этой стороны, говоря: «Как видишь, мы с тобой откровенны; признайся, пулкундык, что наша кровь течет в твоих жилах?»

– Я вам больше скажу, – смеясь ответил Виктор, – моя кровь течет в жилах последнего потомка одного из самых знаменитых ваших ханов.

– Как так? Что это значит? – раздалось вокруг множество голосов. А так как их необычайное любопытство нельзя было не удовлетворить, мой приятель рассказал им следующее приключение.

– Вы слышали о Якубе, сыне хана Нуралы [10]?

– О, кто же его не знает в нашей Орде! – отозвалось несколько голосов.

– Так вот, – продолжал Виктор, – в молодости, когда судьба забросила меня в степи Малой орды [11], я познакомился с Якубом. Он очень полюбил меня и называл своим тамыром¹⁷. Жили мы, как братья: что его – то мое, что мое – то его. Было ему в то время около 60 лет, было у него две жены. Байбише¹⁸, старая, как Могоджарские горы, безобразная, как верблюдица при смерти; но зато младшая, прекрасная Айджаным, на всю Орду славилась своей красотой. От Эмбы до Тобола не было прекраснее лица, живее и чернее ее очей. Да и калым [12] за

¹⁷ Род побратимства. Тамыр с тамыром должен делиться своим состоянием, одним словом, быть ему братом. – *Прим. автора.*

¹⁸ Первая жена киргиза называется байбише; она играет в семье главную роль, и младшие жены относятся к ней с уважением. Во время кочевки она ведет первого верблюда. – *Прим. автора.*

нее немалый уплатил мой друг. Я часто бывал у него и, часто видя Айджаным, полюбил ее еще больше, чем ее мужа.

Я был любим взаимно. Старый сторож жен Якуба во время его отсутствия обеспечивал нам возможность свиданий. В конце концов результатом этих rendez-vous был сын, к несчастью, так похожий на отца, что Якуб, увидев его первый раз, сразу смекнул, в чем дело, и, ужасно разгневавшись на своего тамыра, чуть не убил жену. Когда первый гнев его прошел, он успокоился и назвал его Биктуром. Несколько месяцев спустя я снова приехал. Он встретил меня кисло, ни слова не отвечал на мои поздравления и вопросы и, наконец, схватив меня за руку, потянул за собой в юрту Айджаным. Как только порог переступил, велел ей подать кинжал, висевший над ложем, и грозно обратился ко мне: «Выбирай, кого из вас убить: тебя, жену или вашего сына?» Не потеряв присутствия духа, я сказал ему: «Султан [13]! Я вовсе не хочу, чтобы ты кого-то из нас убивал; ты меня удивляешь, твои подозрения несправедливы! Ты, видно, помешался!» Это была страшная минута: я думал, что не выйду уже из юрты... Но вы знаете, чем все кончилось? Султан, еще раз взглянув мне в глаза, сказал: «Будьте спокойны, я только хотел узнать, трус ты или нет? Я пострадал вас, неужели ты думаешь, что я мог бы убить тебя, жену или сына? Он мне дорог, потому что у меня нет другого. Я желал бы, чтобы он был храбр сердцем. Теперь поцелуйтесь при мне и помните, если мне назначено иметь еще потомков, одно условие: пусть это не будут дочки!»

Со слезами на глазах мы выполнили его приказание. Но в связи с моим отъездом в другие края предостережение относительно наследников султана осталось без последствий. Вот так мой Биктур является теперь последним потомком ханского рода в Малой орде. Несколько лет спустя после этого случая я видел его, – прибавил герой романа. Но когда мальчику сказали, что я его отец, он плюнул мне в лицо и назвал меня кафиром.

Этот и ему подобные рассказы отняли у нас большую часть ночи. Наши насыщенные слушатели хотели их продолжать, но, когда сон стал смежать веки, Виктор приказал погасить очаг. Киргизы разошлись, тундук захлопнулся, наступила тишина, глубокая тишина, и только издали доносилось пение пастухов и торжественный голос молитвы: «Аллах Акбар! Аллах Акбар!»

25 мая (продолжение)

Через несколько часов оставляем Как. Сегодня утром шагах в десяти от нашей юрты прямо из-под моих ног выскользнула змея длиной в локоть; может быть, она навещала ночью наше жилище? Киргизы говорят, что их здесь «не покупать», а за соседней горой такое множество, что и шагу ступить нельзя, чтобы не наткнуться на них. Змея по-киргизски «джилан». Есть тут большие и маленькие, и эти последние более вредны. Некоторые – толщиной в руку. Часто кусают людей и скот. На мой вопрос: «Какие средства используют против страшных последствий их яда?» – мне один киргиз ответил: «Лучшее средство – сразу же позвать муллу, чтобы он прочитал над человеком, укушенным змеей, “змеиное слово” (он так и сказал по-русски); саму же рану помазать конским потом и затем давать его больному пить. Если пациентом является конь, то его надо положить между овцами; натирать рану засушенной змеей, три дня спустя опухоль опадет и конь встанет совершенно здоровым. Только непременное условие: змея должна быть убита последней весной, и не чем-нибудь

а камчой [14], да чтобы она была первой, которую киргиз этой весной увидел в степи; поэтому мы всегда запасаем такую змею. Наконец, конский пот даем пить коням и скоту». Оставляя оценку результатов этого киргизского рецепта вашим ученым-медикам, не лишним будет обратить их внимание на то, что никакой палкой не убьешь так быстро змею, как камчой, которая, естественно, все время, касаясь коня, пропитывается его потом. В этом уверяют меня все киргизы и казаки. Очевидно, в конском поту содержится какое-то антипатическое средство для этого творения, которое может противодействовать даже ядовитому укусу. Но возвращаясь к делу. Из рассказов киргизов я узнал, что, кроме упомянутых средств спасения, они употребляют и другие, без сомнения, более результативные, чем «змеиное слово» или засушенная змея. Например, когда однажды дочка нашего хозяина была укушена в руку, ее немедленно перетянули вверх, рану прижгли раскаленным железом, и через три дня дочка выздоровела. Был у них такой случай: молодой парень спал, и снилось ему, что мать подает кумыс и он пьет; проснувшись, он почувствовал необычное движение в желудке. Стал жаловаться, что джилян вертится в его внутренностях. Ему дали коровьего масла, чаю, и, как уверял меня отец бедняги, назавтра непрощенный гость вышел... Однако не такой счастливой оказалась девушка из соседнего аула, к которой тоже во время сна пришла в гости змея. Употребили упомянутые средства, но прошло два дня, а результата не было. Наконец, когда в юрте никого, кроме маленького ребенка, не было, змея высунула свою голову изо рта больной и стала медленно выползать. К несчастью, дитя при виде змеи крикнуло; змея испугалась, спряталась обратно и, укусив бедную девушку, отняла у нее жизнь.

Средство предосторожности, какое киргизы обычно употребляют против змей и ужей, чтобы они не заползали в жилище, очень простое: берется аркан, сплетенный из шерсти и конского волоса; чем новее – тем лучше, поскольку он не потерт; им опоясывается юрта снаружи. Змея, боясь острых колец аркана, отступает от такого зачарованного круга и оставляет человека в покое.

Киргиз считает своим священным долгом, словно аист, очищать степь. Он никогда не пропустит змею; если встретит ее, хотя бы и торопился по срочному делу, задержится и убьет ее камчой. Если случайно камчи с собой нет, он до тех пор ищет палку, пока не найдет, возвращается с ней к месту, где увидел свою жертву, и, отыскав ее, чаще всего прижимает палкой так, чтобы она подняла голову вверх. Тогда сыплет в раскрытую пасть щепотку табаку, от которого змея немедленно погибает.

В эту минуту вошла жена нашего хозяина вместе с несколькими женщинами и всеми своими маленькими детьми. Женская половина обязана снять юрту и осмотреть, все ли в целости. Первый раз мы имели честь увидеть этих дам. Кроме самой хозяйки, по имени Нурчи, достаточно красивой, остальные выглядели как смертный грех. Они свободно болтали с нами и нисколько не стеснялись; но, говоря по правде, их занимали не столько мы, сколько наши вещи. Особенное внимание привлекли железные ложки, они-то особенно дали им повод для различных остроумных, весьма даже прозрачных, от которых смеялись их мужья, а мы еще пуще.

Будьте здоровы, так как эскорт наш садится на коней, а Амантай ждет чернильницу, чтобы спрятать ее в арбе.

АЯГУЗ, 28 мая. ПИСЬМО БРАТУ

Дорогой брат! 25-го в 11 часов утра мы выехали из урочища Как, благославляемые киргизами, которым хинин и другие лекарства Виктора вернули здоровье. Ел билеуши с большим отрядом своих подчиненных старшин и народа сопровождал нас верхом несколько верст. Все выражали свою благодарность за вежливое обращение с ними, и при расставании не было конца пожиманию рук и пожеланиям счастливого пути, начавшегося для нас не совсем удачно, поскольку холодный ветер, бушевавший в этот день в степи, сек острым песком лицо и попадал в глаза, и был таким сумасшедшим, что едва можно было усидеть на лошади. В дополнение к этой атмосферной кутерьме мне достался айгыр (жеребец) с испуганной мордой и покалеченным носом, выразительным свидетельством его энергии и частых схваток с товарищами. Проклятый айгыр, едва завидев в стороне пасущийся табун, начинал ржать, покрываться пеной и безумно желал, чтобы я летел вместе с ним засвидетельствовать почтение прекрасному полу его племени. Но боязнь отстать от своего каравана, сызмальства укоренившаяся в сознании киргизских коней, наверняка более сильная, чем мои слабые усилия, не допустила его до эксцессов, могущих как-то повредить моей персоне. Скажу даже больше: несмотря на свои романтические наклонности и качества горячей крови, он вскоре заслужил мое большое уважение и незабываемые воспоминания.

Едва лишь мы миновали кочевья айкимбет-кереев, мой безумец, видя перед собой, вместо долин, оживленных присутствием веселых табунов, только одинокую пустыню, пустился вместе со мной в глубь ее с сердцем героя, бросающего свою возлюбленную, чтобы спешить на бой. И не так быстро исчезали с дороги леса и горы перед арабским скакуном Фариса, как перед киргизским айгыром исчезала необъятная степь. Его не останавливали ни вздувшаяся от многодневных дождей мутная река Чар, ни Джельбиге-Тау со своими долинами, полными змей, ни ветер, все усиливающий свою грозную силу: он летел, летел, а мне казалось, что я вскочил на орла, который в своем быстром полете отдохнет разве только на вершинах Гималаев, чтобы я имел возможность приглядеться к кровавым полям сражений, на которых европейская цивилизация совсем недавно нанесла смертельный удар индийскому миру¹⁹.

И хотя я не взлетел так высоко, так далеко, приходится пожалеть, что не могу описать тебе во всем блеске поэзии этой героической езды, достойной кисти Мицкевича или Байрона.

Не имея чести быть сыном, увы! даже кузенном Аполлона, ибо моим делом является холодная проза, разве я смогу ее благородным языком, как говорится, выразить все те чувства, которые переполняли мое сердце, когда, сидя на хребте орла киргизских степей, я повторял в упоении:

Мчись, скакун мой белоногий!

И только то нарушало гармонию поэтического идеала, что (но конь в этом не виноват!) ездок, вымокший до нитки во время переправы через реку, замерзший, насквозь прошитый острыми иглами Борея, сильным стуком зубов вторил стуку копыт коня.

¹⁹ Новая победа англичан в Пенджабе. – Прим. автора.

К счастью, на ближайшем холме появилась мола, скрывающая останки жителей этих степей. Я полетел к ней, как молния! А знаешь ли, зачем? Чтобы под ее глиняной крышей минутку отдохнуть и хоть немножко обогреться при крохотном огоньке сигары.

Ты, без сомнения, посмеешься над этим удивительным способом обогрева. Но что делать, когда в этих пустынях нет ни удобных заграничных отелей, ни даже нашей польской или, точнее, еврейской корчмы.

Когда мой огонек осветил стены гостеприимного затишья смерти, я заметил прямо у себя под ногами свежую яму, но покойника там уже не было, и только лоскутья одежды валялись по земле. «Куда же делся мертвец?» – спросил я у Амантая. «Волк утащил киргиза», – безразлично ответил он.

Грустный, покинул я молу. Жаль мне стало бедного киргиза, что всю жизнь жил в нищете, и после смерти его судьбой стало – достаться голодному волку.

Мы снова поехали. Перед нами, за нами, направо, налево – повсюду, куда ни кинешь взор, распростерлась ужасающая пустыня, и нигде на ней ни человека, ни зверя, а над ней, как над водами мертвого моря, – ни одной птицы. «О, – думал я, – как прекрасно выглядели бы здесь гигантские мамонты, мастодонты и всякие стонogie гады допотопного мира! В какой естественной гармонии было бы их величие с величием этих обширных пространств. Сама эта степь, сегодня такая грустная, совсем иначе представлялась бы глазам путешественника!..»

Погруженный в эти мысли, я оставил за собой бог знает какое расстояние, не замечая даже следов его созданий; казалось, мы преступили границы живого мира, как вдруг из-под ног лошади, из кустика сухой травы вылетел, видимо, заблудившийся, черный, словно дух этой пустыни, жаворонок. Взвившись в воздух над нашими головами, он, казалось, с любопытством присматривался и спрашивал нас своей песенкой: зачем мы сюда приехали? О, с каким умилением глядел я на этого посланца весны, что, как пустынный Тебайды, ведет здесь одинокую жизнь и своим пением оживляет мертвую природу. Он долго провожал нас, пока, наконец, измученный полетом или оскорбленный нашим молчанием, не повернул в сторону и пропал, как падающая в небе звезда.

После двух часов пути мы увидели наконец признаки жизни, и в больших размерах: два огромных табуна верблюдов паслись в долине, а через четверть часа показались и аулы, окруженные многочисленными стадами лошадей, коров и овец. Это была Терестам-Галинская волость, кочующая в урочище Сасык-Куль под предводительством своего управителя Турехана.

Не без сожаления распрощался я здесь со своим неутомимым айгыром, на котором первый раз в жизни проехал по пустыне в полном значении этого слова и который первым из киргизских коней дал мне настоящее понятие об их благородных качествах.

Что сказать о Сасык-Куле, Терестам-Гале и Турехане, когда мы тут не задержались больше чем на несколько минут? Успел узнать, поскольку исполняю должность историографа нашей экспедиции, что урочище получило имя от озера того же названия, что музыкально звучащее для моего уха название Терестам-Гала означает кривую тамгу, какую этот род прикладывает, и что ясновельможный Турехан славится репутацией большого покровителя всех приверженцев баранты, репутацией, которая несколько не унижает его достоинства, как в феодальные времена доброму имени герцога де Монморанси или графа фон Кацеленбогена

совсем не вредило, если их горностаевые плащи прикрывали разбой ленной дружины.

Подкрепив силы кумысом и переменяв лошадей, поехали дальше. Дорога была скверная: одни солончаки, в которых мы увязали по уши, как в полесских болотах; но наконец около полуночи проводник нашего каравана возвестил приятную новость, что мы выехали на почтовый тракт, ведущий из Семипалатинска в Аягуз. С немалой радостью мы приветствовали это коммуникационное средство цивилизации, которое дало возможность быстрее прибыть под деревянные крыши. Нежданно блеснул огонек, послышались голоса казаков, пасущих с оружием в руках свой табун, и через несколько минут звучное «кто идет» убедило нас в том, что мы находимся перед аркалыкским пикетом.

О! С какой радостью, утомленные и озябшие, мы переступили порог этого убежища! На наше счастье, здешняя хорошая вода позволила согреть чай, и большего количества стаканов я в моей жизни не выпил! В сладком сне мы позабыли о трудностях путешествия, а утром подались почтовым трактом в повозке через горы Аркат, Альджан и Агадыр к Аягузу, где нас приветствовали соловьи и откуда я снова поглядывал на великолепный Тарбагатай, с которым в прошлом году попрощался было навеки.

АЯГУЗ, 31 мая. ПИСЬМО БРАТУ

Аягуз – столица одного из семи округов, созданных в Средней орде вот уже как 15 лет, стоял когда-то на 35 верст ниже по реке того же названия; но его положение, слишком отдаленное от дороги, по которой обычно ходили караваны, заставило правительство перенести Аягуз – тому уже четвертый год – на нынешнее место. Поэтому есть новый и старый Аягуз. Однако от этого последнего скоро не останется и следа, и только разве осиротевший соловей на его руинах «споет путешественникам траурную песню», в то время как новый Аягуз раскрывается, словно бутон розы. Уже, кроме казенных зданий, предназначенных для военного гарнизона и администрации, насчитывается несколько десятков изб, сколоченных из тополя, и похоже на то, что он будет когда-нибудь одним из важнейших пунктов в степи, где, вероятно, как в Соединенных Штатах Северной Америки, только и можно еще наблюдать явление, неизвестное старой перенаселенной Европе, – рождение, или, скорее, прорастание, словно грибов из земли, новых поселений. Акмола, например, будущая столица всей степи, Актау, Атбасар, Кокбекты, Кушмурун – все это поселения, которые родились и выросли на моих глазах.

Дитя киргизских степей Аягуз лежит под 46 градусом географической широты, в 300 верстах от Семипалатинска, в стольких же от Чугучака и в 1000 верстах от Омска. Построен он на сухом месте и славится здоровым климатом. Зима здесь короткая, большие морозы редки, так что река даже не всегда замерзает. Но вихри и бураны, право же, ежегодно срывают крыши, а жара, начинаясь в мае, не уступает по своей силе африканской, с той только, к счастью, разницей, что здесь и во время самого сильного зноя дышишь легким, чистым, отрезвляющим воздухом, который словно омолаживает тебя. Комаров и оводов, тучи которых на сибирских равнинах вгоняют путешественника в отчаяние, очень мало. Но зато во всех домах блох, мух и гигантских клопов такая неслыханная сила, что я

каждую ночь вынужден проводить *a la belle etoile* из боязни, чтобы эти мерзкие существа не съели меня живьем, как мыши святого Попола.

В речке, текущей у подножия крепости, вода отличная, холодная и чистая, как хрусталь. Между ее рыбами (которых все же очень немного) заслуживает упоминания так называемая маринка, рыбка с мелкой зеленовато-золотистой чешуйкой. Не будучи ихтиологом, не могу определить, к какой семье она принадлежит, знаю лишь по опыту, что маринка бела, как паросский мрамор, жирна, как киргизский баран, и такого деликатного вкуса, что если бы ее родиной были воды Дурансы или Клиды, просвещенная европейская гастрономия отдала бы ей первое место на королевском или ротшильдовском столе. Но поскольку на свете нет ничего без «но», то и позолоченная маринка его имеет: *vox populi*²⁰ утверждает, что ее икра причиняет ужасные желудочные колики, даже угрожает жизни человека.

Берега журчащей по камням реки покрывают густые заросли буйно переплетенных меж собой ветвей, словно в бразильских лесах, кустов, цветов, паразитирующих растений, среди которых то тут, то там поднимает свое серебристое чело развесистый тополь, единственное дерево большого калибра в этих краях. В этой роще, от века засаженной рукой природы, тянущейся двумя зелеными лентами, приятно выделяющимся среди сухих гор и обнаженных скал, орошаемой каждую весну разливом реки Аягуз, одной из дочерей Тарбагатая, часто можно увидеть горлиц, воркующих над лежбищем мрачного кабана, или слышать соловья, поющего свои арии над колоссальным кустом белой розы, у подножия которого извивается ядовитая змея.

Несмотря на кабанов и змей, которых я так своими глазами и не видел, в этом парке, почти таком же длинном, как и сама дочка Тарбагатая, прекрасные аягузьянки находят не только романтический холодок во время летнего зноя, но еще и самые романтические, укромные местечки для своих сентиментальных грез.

Благодаря близости реки жители Аягуза имеют овощи, впервые, вероятно, от сотворения мира выращиваемые в этом уголке Азии, бывшем всегда во владении кочевых народов.

Передовой пост европейской цивилизации, передвигающейся в глубь наименее известных частей Центральной Азии, право же, микроскопическая точка в океане степей, Аягуз господствует над обширным краем, растянувшимся от Иртыша до Лепсы и от Каркаралинских гор до земель Большой орды [16]. На этом пространстве по последней, надо думать – приблизительной, переписи кочует 50 000 киргизов. Весь этот народ, происходящий в значительной части из рода Наймана, а в меньшей от Керя, прародителей киргизских племен, составляет 15 волостей, делящихся на 150 аулов, совершая свои путешествия с 14 000 юрт, ведет пастушескую жизнь. Только небольшая часть его для улучшения своей жизни засеивает пару мешков пшеницы или несколько горстей проса, которые в местах, где рядом с хорошей землей можно ввести ирригационную систему, почти ассирийским урожаем вознаграждают труд земледельца. Но не похоже, чтобы земледелие здесь когда-либо стало повсеместным; во-первых, потому, что в Аягузском округе слишком мало земли, пригодной для обработки²¹, во-вторых, и та из-за сильной жары и ветров без частого полива водой, очень редкой на этих безлесных пространствах, часто даже совершенно высыхающих, немного и даже

²⁰ *Vox populi* – глас народа (лат.).

²¹ В Кокбектинском округе, где земля годится для обработки, большая часть киргизов занимается земледелием и собирает много пшеницы, называемой здесь «калманкой». – *Прим. автора.*

никакой не приносит прибыли. А вот разведение коней, коров и овец, составляющих единственный доход и средства к существованию здешних киргизов, кажется, еще на долгие времена обрекает их на бесконечное передвижение по степи.

Со времени нашего прибытия в Аягуз стоит очень теплая погода, точнее сказать, жара, которой вы даже в июле и августе не дождетесь в ваших широтах. Сейчас 5 часов пополудни, а термометр все еще показывает +30°. Минут пятнадцать назад ходил купаться, и – поверишь ли? – взяв в руки камень, лежавший на берегу реки, не мог и секунды удержать его, потому что он жег, словно раскаленное железо. Однако, несмотря на жару, ночи такие холодные, что после захода солнца никуда без пальто не пойдешь, и я не пойму, как это соловьи не заработают кашля или воспаления легких, распевая целыми ночами.

В ожидании пограничного начальника, с которым мы поедем к границам Большой орды для заключения политических соглашений, а может, и дальше – для изгнания из ее владений султана Кенесары, играющего по меньшей мере роль нового Югурты, мы тем временем проводим наши дни в самом настоящем римском *far niente*²², которое было бы совсем приятным, если бы наша комната с утра до ночи не представляла собой настоящего пчелиного улья. Пчелы – киргизы различного положения и возраста, потому что они, как к своей матке, неустанно жмутся всей массой к Виктору, принося ему свое почтение.

Киргиз очень отзывчив на хорошее к нему отношение кафира [15]. Сегодня я получил доказательства этого. Среди толпы султанов, биев, старшин и оборванного плебса находился бедный сгорбленный старик. Виктор, обратившись к нему с несколькими приветливыми словами, приказал угостить его кумысом, и когда тот выпил чашку, один из присутствующих сказал: «Пей и помни, что пил у большого человека: он велик, потому что не гнушается бедняками». Наш расчувствовавшийся джатак, воздев руки к небу, так выразил свою благодарность: «Пусть тебя бог убережет от меча, огня и воды и прольет на тебя и твой род благословение».

Соскучившись от неустанного *fluxem* и *refluxem*²³ гостей, вышел я на заходе солнца на вал, смотрел на Тарбагатайские горы, мощной цепью простирающиеся к Китаю, и припомнил, что точно так же семнадцать лет назад со стен старой Партенопеи я бросал свой взор на Апеннины с их вулканом, который, словно дамклов меч, всегда нависает над ее головой, увенчанной лаврами и цветами. Это воспоминание привело с собой образы итальянских лаццарони, что в те времена целым роем неотступно сопровождали каждый мой шаг и своим униженным видом отравляли сладость, которую я познавал, вдыхая бальзам воздуха этого края «неувядающей весны и вечного покоя». Сравнивая тех псевдоцивилизированных обитателей одной из европейских столиц с этим народом, что окружает меня сегодня, увы! я чувствую, что не так легко было моему сердцу в итальянском раю, как в киргизской пустыне!

АЯГУЗ, 5 июня. ПИСЬМО МАТЕРИ

Дорогая мама! Мы все еще в Аягузе. Отдохнув от трудностей степного путешествия, ожидаем только прибытия пограничного начальника, вместе с которым мы должны ехать на берега Лепсы. Аягуз выглядит сейчас очень разноцветным

²² *Far niente* – безделье (лат.).

²³ *Fluxem* и *refluxem* – прилива и отлива (лат.).

и занимательным. Несколько султанов самых знаменитых родов, в том числе несколько потомков хана Аблая, уже разбили свои белые юрты, бухарские шатры в цветные полосы рядом с нашей халупой из тополя. Одетые в пестрые халаты и бешметы, они отдают нам официальные визиты, пьют у нас чай, говорят мало, как обычно киргизская аристократия, желающая соблюсти хороший тон.

Множество биев, аульных старшин и простых киргизов прибывают ежедневно из отдаленных урочищ, так что песчаный грунт беспрестанно гудит под копытами их быстроногих скакунов. Несколько сотен лошадок, согнанных из наймановских табунов, свободно резвятся в долине, заросшей карагайником, не предчувствуя, что скоро незнакомая им узда укротит их пылкий нрав. Рядом с этими неукротенными пасутся тихие бараны с огромными курдюками, предназначенные для угощения за счет правительства большого количества гостей во время байги, происходящей ежегодно во время пребывания пограничного начальника в столице округа. Над баранами и лошадьми возвышаются горбы верблюдов, предназначенных под выюки и провиант экспедиции. Отряд казаков и артиллерия стоят в готовности, а над всем этим – яркое солнце и сорокаградусная жара! Но воздух так чист, так легок, так здоров, что я вдыхаю его с настоящим наслаждением.

АЯГУЗ, 7 июня. ПИСЬМО П. Ц.²⁴

Дорогой Павел! Идя по твоим, еще не стершимся в этой столице найманов следам, с волнением переносюсь в те времена, когда я пережил счастливейшие минуты, минуты, когда казалось, что надежда приветливой рукой отворяет ворота Урала, чтобы мы могли вместе возвратиться на берега родимого Немана. Возвращаясь на крыльях печальных мыслей в эту благую эпоху, что, как блистательный метеор, увы! блеснула на темном фоне моей судьбы и исчезла, может, надолго, может, навсегда, я вижу тебя рядом, блуждаю с тобой по горам и долинам, покрытым карагайником, цветущим золотыми и розовыми цветами, прислушиваясь среди кустов, осеняющих кристальные воды Аягуза, к пению киргизских соловьев или с валов лилипутской крепости глядя на гигантский Тарбагатай, что стоит здесь на страже небесной империи, словно пограничная стена. Так, имея тебя всегда перед моим духовным взором, мог ли я противиться искушению послать тебе несколько слов из далекого уголка Азии? Я хочу дать тебе доказательства того, что ты всегда и повсюду в моей памяти и в сердце.

Итак, пишу. Но ты, знающий Аягуз, наверно, простишь мне, что ничего больше тебе о нем не скажу, кроме того, что со времени твоего отъезда он очень разросся и находится на пути прогресса, предсказывающего ему со временем блестящую будущность в степи. Все более расширяющаяся торговля с Чугучаком и надежда найти для караванов более безопасную дорогу в Кульджу и Среднюю Азию говорит за то, что название Аягуз, сегодня неизвестное в Европе, перейдет когда-нибудь границы Сибири. Поэтому, оставляя его описание для профанов, не посвященных в наш киргизский мир, хочу тебе, некогда большому светилу Пограничного управления, каракули которого еще много лет будут служить для заклеивания окон канцелярии, рассказать кое-что о наших общественных делах, которые для других явились бы настоящей *du grec*²⁵.

²⁴ Павлу Цеплинскому, служившему вместе с ним в Омске и выехавшему на родину.

²⁵ *Du grec* – «китайской грамотой», то есть непонятными (франц.).

Узнай прежде всего, что уйсуну, независимые киргизы Большой орды, кочующие между Лепсой и Или, горами Ала-Тау и Балхашом, в области Джетысу, то есть Семиречье, три месяца тому назад прислали в Омск посольство под предводительством некоего Мауке. Этот степной Талейран, посол с медным лицом и выпирающими скулами, дипломат *sans gene*²⁶, в дорожном халате, чамбарах из кожи марала и с камчой за поясом, на данной ему аудиенции торжественно, от имени всех родов, оповестил, что самым горячим и неизменным желанием его земляков является вступление в подданство России и получение от нее привилегий, какие имеет Средняя орда. Для этой цели он просил, чтобы пограничный начальник приехал в конце мая или в начале июня на берега Аксу, текущей в двух днях пути от Лепсы, где его будут ожидать родоначальники и выборные от всего народа для заключения последних договоров.

Уже не первый раз уйсуну выражали подобные желания. Двадцать лет назад султан Сюк, сын хана Аблая, входил в сношения с Россией и своих земляков, терзаемых в те времена междоусобными распрями, хотел привести в подданство верховной российской власти. В результате его пропозиции был даже послан отряд казаков за Лепсу под начальством полковника Шубина, которому было поручено узнать край, его население, его материальные ресурсы и убедиться на месте, действительно ли желание одного киргизского вождя было желанием всего народа.

Экспедиция Шубина с точки зрения географической и статистической была весьма результативной, дала сведения об этой отдаленной и малоизвестной части степей, но заодно вскрыла, что, кроме Сюка, влияние которого распространялось только на киргизов, кочующих от Лепсы до Каратала, есть и другие родоначальники, имеющие гораздо большее значение и доверие у соплеменников, которые не очень благожелательно смотрят на политику Сюка.

Таким образом, в тот неблагоприятный период петербургский двор решил оставить все *in status quo*²⁷. Султан Сюк и его сторонники должны были в тот раз удовлетвориться дорогими подарками; но, чувствуя, что отказа, по существу, нет, в последующие годы возобновляли свои просьбы от имени все большей части народа. Несмотря на это, пограничные власти, получившие приказ не отказывать им в своем покровительстве, имели очень строгое предписание», чтобы вооруженные отряды ни под каким предлогом не предпринимали решительных действий.

Ныне в результате последнего посольства правительство, склоняясь, наконец, к всеобщему желанию уйсуну, дало приказ пограничному начальнику поехать на конгресс при Аксу, принять в подданство весь край, обещая создать в нем администрацию наподобие Средней орды, и, вознаграждая за добрые намерения и привязанность к России, раздать пять золотых медалей главным родоначальникам, а самому знаменитому из них по своему влиянию и значению султану Али вручить диплом на звание подполковника.

На этих днях мы ожидаем сюда генерала Вишневого, в эскорте которого мы помаршируем на этот конгресс. Но дойдет ли дело до желанного конца или сорвется так же неожиданно, как в свое время Венский конгресс во время высадки Наполеона во Францию? Это еще большой вопрос. Поводом для такого сомнения является следующее обстоятельство.

²⁶ *Sans gene* – без церемоний (франц.).

²⁷ *In status quo* – в том же состоянии (лат.).

В марте, в то самое время, когда посольство уйсунов находилось в Омске и договаривалось о своей будущей судьбе, наш псевдо-Абд-эль-Кадер – султан Кенесары, измученный многолетним бродяжничеством по голодным окраинам Малой и Средней орды и еще более голодным пескам Кара-Кумов и Бетпак-Далы, постоянно преследуемый отрядами войск, направленных против него с оренбургской и сибирской линий, окончательно утратив надежду получить в вечную, как он того домогался, собственность Алатауские горы, переправился с вооруженным отрядом своих единомышленников по льду через Или и, ворвавшись в Семиречье, разослал прокламацию, призывающую уйсунот отказаться от сношений с Россией и признать его ханом. И хотя этот блуждающий герой степей, желая получить власть над так называемыми черными киргизами, кочующими в самом высоком поясе гор Ала-Тау, простирающихся в глубь Ташкента к Тибету, был только что побит этими людьми, самыми мужественными из всех киргизов, однако, несмотря на понесенные им значительные потери, он мог бы, по утверждению наших степных политиков, если бы ему удалось сыскать доверие слабых уйсунот, заставить их поколебаться в своем решении. Ибо до нас доходят вести, что вопреки своему обычаю он отметил первые шаги кротостью и умеренностью; отправил послов к кульджинскому джанджуну и эмиссаров к пограничным киргизам Аягузского округа, пригласив к себе на кенес (совет) знатнейших уйсунот [17]. Поэтому очень может быть, что уйсунот, не сумев избавиться от непрошенного гостя, и притом частью убежденные, частью из боязни страшной мести Кенесары, поведут с нами дипломатию, и я не смогу иметь удовольствие присутствовать на киргизском конгрессе.

Только что явился гонец с берегов Лепсы. Он рассказал нам детали победы, одержанной черными киргизами над Кенесары. Эти воинственные горцы с вершин Ала-Тау, услышав о приближении неприятеля, позволили его передовым аулам углубиться в страну, а когда те, растянувшись длинной вереницей своих табунов, без всякой осторожности шли через какое-то узкое ущелье, неожиданно ударили на них с фронта и с тыла. Трудно было сопротивляться! Короткая схватка, но поражение страшное!

Кроме убитых на поле боя около тысячи людей, две с лишним тысячи попало в плен, в том числе пять султанов, за которых теперь победители требуют выкуп.

Сам Кенесары в этой битве не участвовал. Сообразив, однако, что имеет дело с народом, готовым дать ему решительный и опасный отпор, он счел за лучшее отступить, угрожая впредь своей мезтью не только людям, но даже и горам Ала-Тау. Насчет гор я совершенно спокоен, потому что это великаны, ничем не уступающие швейцарским Альпам. Но и людям, как мне кажется, он не сумеет сделать много зла, потому что в их сердцах пылает огонь мужества, достойный героев Марата.

Этот народ совершенно не имеет султанов: родами у них руководят выборные манапы [18]. Во время войны самый способный, самый решительный из манапов, наделенный от всего народа диктаторскими полномочиями, руководит всеобщим ополчением. Би [19] у них в большом почете и по всеобщему праву этого края судят гражданские и уголовные дела. Кодекс наказаний очень строгий. Собственное название этого народа – киргизы. Один из их манапов – Бурамбай прислал недавно просьбу об установлении опеки России над ними. Но, кажется,

это был только маневр для получения дорогих подарков, которые эти люди очень любят, добываясь их как от России, так и от соседних правителей Ташкента. Со временем все же должны завязаться более тесные отношения с жителями высокого Ала-Тау, но это может наступить лишь тогда, когда Большая орда, которая сегодня занимает пространство на пути к их неприступным горам, полностью признает верховенство России.

9 июня (продолжение)

Сегодня мы имели честь принимать султана Буленя из рода хана Аблая, который, как заместитель президента Аягузского округа, приехал с далекого кочевья на встречу с пограничным начальником. Это человек лет пятидесяти, со спокойным выражением лица, скромный и весьма неглупый. Когда-то он был очень богат, но выдача замуж трех сестер со всем шиком, на какой способен степной аристократ, сильно поубавила его богатство. Сегодня у него едва ли наберется 300 коней, немалая часть которых скоро пойдет на погребальный обряд по умершей матери.

Издавна склоняясь к русскому правительству, он говорил нам, что, как только узнал о переправе Кенесары через Или, сразу послал двух своих братьев с письмами к ближайшим уйсунским султанам, его родственникам, Сюку и Али, советуя им сдержать свое слово и не отказываться прибыть в условленное для переговоров время. Он удивляется, однако, что до сих пор нет никакого ответа, и даже боится, как бы не попали его братья, которые выехали месяц тому назад, в руки Кенесары. Этот последний уже двинулся к реке Коксу. Уйсуну приняли его вполне безразлично, и хотя многие из них, даже сам омский посол Мауке, по призыву Кенесары поспешили на кенес, он сомневается, чтобы они вошли с ним в близкие отношения и стали что-то делать в его интересах, хорошо зная надменность и сумасшедший характер человека, имеющего в виду только эгоистические, а не всех киргизов интересы. Все же он убежден, что боязнь мести Кенесары может удержать уйсуну от приезда на кенес с генералом.

10 июня (продолжение)

Наш политический горизонт проясняется. Начальник отряда, стоящего с двумя орудиями уже второй месяц на берегу Лепсы, сообщает, что братья султана Буленя счастливо возвратились из своей поездки. Кенес с Кенесары длился целую неделю. Уйсуну просили своего гостя, чтобы он покинул их край, поскольку они вошли в переговоры с Россией и уже почти приняли подданство. Кенесары не соглашается на уход, так как он погубил бы его окончательно в общественном мнении и мог бы привести к новым поражениям. Несмотря на это, султаны Сюк и Али обещали «спустя 9 дней после рождения месяца» приехать к берегам Аксу.

Мы тем временем, основываясь на давнишнем и разумном изречении «*si vis pacem, para bellum*»²⁸, стягиваем казаков с кокбектынских, аягузских и каркаралинских пикетов, готовим конную артиллерию, табуны коней, верблюдов, юрты, живность, вызываем из этих трех округов старших султанов, чтобы они с вооруженными отрядами своих киргизов поспешили соединиться с нашим отрядом, который под личным руководством пограничного начальника пойдет на берега Лепсы. Став с этими силами на теперешней границе Российского государства, мы не только сможем показать киргизам во всем блеске его мощь, придать большой вес дипломатии во время конгресса, но даже импонировать

²⁸ *Si vis pacem, para bellum.* – Хочешь мира – готовься к войне (лат.).

самому Кенесары и, если потребуют того обстоятельства, вышвырнуть его за последнюю из семи рек.

Но вот и сам «джендерал», как титулуют его киргизы, прибыл в Аягуз. 13-го двинемся в поход. Теперь жди моих бюллетеней с берегов Лепсы, Аксу, Коксу, Баскан или Саркан, а тем временем – будь здоров и люби меня по-прежнему.

АЯГУЗ, 11 июня, ПОЛНОЧЬ. ПИСЬМО М. И П. В ТОБОЛЬСК

Дорогие друзья! Когда один из вас выдает сторожам финансового управления нитки и свечи, а другой рассылает во все города и городки Тобольской губернии записки, я в это время играю роль дипломата и странствующего рыцаря. Сегодня, например, писал трактат мира между двумя народами, а завтра – аттан! – на коня и с пистолетами за поясом, с ружьем за плечами, с камчой в руке марш на границу Большой орды.

Если вы читали Жакмона и помните описание похода великого правителя Индии из Калькутты на берега Сутледжи, наша сегодняшняя поездка очень сильно напоминает его. Вся разница только в том, что там были слоны и паланкины, а у нас верблюды и юрты. Перейдем ли мы Рубикон? Еще неизвестно. Но что бы там ни было, эта деятельная жизнь, полная поэтических впечатлений, пришлась мне по вкусу. Через неделю встанем над Лепсой. Нужно сделать один переход – 80 верст по песку, где нет ни капельки воды. Поэтической будет там жажда! Особенно при 40 градусах жары; но что вам заправлять об этом, когда, может быть, вы в эту минуту, как самоеды, ходите в оленьих дохах, и под вашим носом плывет Иртыш! Так будьте здоровы!

АЯГУЗ, 11 июня. ПИСЬМО Г. З.²⁹

Дорогой Густав! После долгого ожидания мы приветствовали наконец пограничного начальника, который под охраной 25 казаков прилетел к нам из Кокбекты. Говорю «прилетел» потому, что может ли быть более подходящее название для такого передвижения, когда в любой миг, по первому приказу, целые табуны коней, расставленные через несколько миль по степи, готовы нести его, словно вихри, через горы, долины, кусты и реки. Его приезд сильно обрадовал меня, так как, ускоряя наш поход за Лепсу (в тот край золотых фазанов и, что еще любопытнее, тигров, которых я до сих пор видел только в клетках и с которыми теперь, может быть, случится встретиться носом к носу под открытым небом), одновременно кладет конец этой бездеятельной жизни, которую мы ведем уже несколько дней и которая утратила для меня очарование новизны.

Тихий и скромный Аягуз, дождавшись такого знаменитого гостя, каким является начальник Средней орды киргизов, сейчас весь в необычайном движении и выглядит, как новобранная в день свадьбы. Ты даже не представляешь, что за пестрый плум-пудинг, что за искрящийся *mixtum chaos*³⁰ представляется моим глазам на каждом шагу. Здесь сановники, гражданские и военные разных родов оружия, не знающие целый год тисков узких мундиров, – в новенькой, с иголочки, форме, с застежками, сверкающими на солнце, в незахвачанных шапках

²⁹ Густаву Зелинскому, другу, уже уехавшему на родину.

³⁰ *Mixtum chaos* – здесь – смешанная толпа (лат.).

или блестящих касках, парадируют по крепостной площади; там – киргизская аристократия, разряженная в самые богатые халаты или манлыки с золотыми или серебряными драконами, в чамбарах, вышитых кармазиновым шелком разнообразным орнаментом, цветами и зигзагами, в остроконечных, подобных сахарной голове, шапках, важными шагами прохаживается среди массы народа, сидящего на земле, возле групп лошадей, равнодушно глядящего на всю эту толпу, на эту пышность; а там и пол прекрасный и непрекрасный, в желтых, зеленых, голубых и пунцовых из китайской канфы мантильках легкой походкой прогуливается по валам. Одним словом, это многоцветная и многолика картина, какой не увидишь в калейдоскопе, хоть тысячу раз его поверни!

Тем временем квартира наша все еще как в осаде, а внутри тесно, как на лондонском рауте. В течение двух последних дней у нас совершенно не было ни минуты покоя, потому что по приказу пограничного начальника суд биев, этот импровизированный степной ареопаг, в присутствии Виктора разбирает важное дело между ташкентцами и бухарцами, с одной стороны, и киргизами, с другой стороны. Несколько ташкентцев и бухарцев (*vulgo*³¹ называемых у киргизов сартами), поселившихся для торговли более сорока лет тому назад в Семипалатинске, пасли в киргизских степях небольшие табуны своих коней и верблюдов, составляющих караваны. А так как степь большая и широкая, как океан, то киргизы, не жалея травы, «которую Аллах каждый год сеет», не запрещали этих пастбищ своим единоверцам. Но когда в более поздние времена эти пришельцы, увеличившиеся до нескольких сотен, покрыли своими табунами значительное пространство степи и не только стеснили киргизские кочевки, особенно зимние, что очень важно, но еще и по праву «давности лет» присвоили себе урочища Аркат и Альджан, занимающие около 60 кв. верст, киргизы, действительные владельцы этих последних, справедливо разгневанные на жадность ворвавшихся, начали ставить преграды, так что не раз доходило меж ними до кровавых стычек. Этот долголетний спор, доходивший уже неоднократно до высших инстанций, все еще тянулся, и только сегодня, после двухдневного разбирательства и бесконечных речей был окончательно разрешен. Вот краткое содержание трактата, который я имел честь составлять на основе, понятно, устного приговора биев, избранных с обеих сторон:

1. Народ сартов с сегодняшнего дня и до скончания веков имеет свободное и безоговорочное право кочевать летом и зимой со своими стадами в урочищах Аркат и Альджап.

2. За это право народ сартов обязуется до скончания веков ежегодно выплачивать киргизскому народу Средней орды дань, складывающуюся из ста бухарских даб, которые при посредничестве ел билеуши будут розданы между джатаками Кучук-Тобыктинской и Джанбубек-Сиванской волостей, кочующих на упомянутых землях с незапамятных времен.

3. Мир, согласие и добрая гармония будут длиться во веки веков между двумя народами.

Кратко и коряво.

Когда я писал эти *pacta conventa*³², доказывающие великодушие киргизского народа, что так щедро раздавал землю, на обширном пространстве которой могли

³¹ *Vulgo* – в просторечии (лат.).

³² *Pacta conventa* – мирные договоры (лат.).

очень удобно разместиться полдюжины немецких князей со всей пышностью своих дворцов, камергеров, фрауциммер, министров и своих мощных контингентов, я подумал: о дивные судьбы человеческие! Снилось ли мне когда-нибудь, что я в другой части света буду играть роль дипломата среди народа, еле известного по названию.

Это ташкентско-бухарско-киргизское дело дало мне возможность узнать двух мужей, имеющих большое значение среди своих соплеменников, которые? как две звезды первой величины? светят всем племенам степи. Скажу тебе несколько слов о султанине Бараке и бие Кунанбае.

Султан Барак – потомок ханов, ведущий свой род от Чингисхана. Он еще в цвете лет, это человек величественной осанки, с благородными чертами лица и необычайной силы. Щедрая природа наделила этого степного Геркулеса рядом с выдающимися умственными способностями и сильным характером и неустрашимым мужеством. Он был воспитан в рыцарских обычаях, как сын барона феодальной эпохи: никто метче его не стрелял из лука, никто быстрее его не укрощал дикого жеребца, не поднимал огромнее камня. Байга, этот киргизский турнир, охота и баранта, на которых пальма первенства всегда увенчивала его тело, широко разнесли по степи славу этого молодца. Со всех сторон прибывали охотники легкой добычи под зеленое знамя его дружины, и не раз молодой герой водил ее под снежные пики Ала-Тау. Как горный орел на птиц, падал он отсюда на многочисленные стада, принадлежащие уйсунам, которых разбивал, несмотря на девятикратно превосходящие силы. Всегда с богатой добычей возвращался он в свой аул.

Эти внезапные налеты, напоминающие нападения горных кланов на равнины Шотландии, сделали его имя, как некогда имена героев романов Вальтера Скотта, страшным и осветили его ореолом народной поэзии. Не одна ватага степных корсаров убежала только при звуке имени Барака, не один уленши воспел славу покорителя залепсинских племен. Нынче в связи с изменением обстоятельств в стране он припрятал свои громы и молнии, почивает на лаврах. С беркутом на руке гоняется за волком, лисой или стадом летучих сайг, но достаточно взглянуть на него, чтобы убедиться, что чингисханская кровь не заснула в его жилах, а скромной власти ел билеуши и даже расшитого золотом пунцового халата далеко не достаточно, чтобы удовлетворить гордость батыра найманов. Как высоко поднимает он свое мужественное чело, отмеченное печатью гения и мощи, перед каждым, кто осмелился бы им пренебречь.

– Раз, будучи в Чугучаке, – рассказывал мне Барак, – пошел я с другими к тамошнему алдаю (коменданту); товарищи мои упали перед ним на колени, как наши женщины перед старшими; только я один в знак уважения положил руку на сердце. Удивленный негибкостью моей спины, алдай спросил, почему я не падаю на колени, как другие? «Только богу надлежит такая честь, – ответил я, – а ты не бог». Мой алдай, разгневанный этим ответом, рявкнул: «Я тебе приказываю!» «Ты, – возразил я, – не имеешь права мне приказывать, и я не выполняю твоего приказа. Но если тебе не нравится мое посещение – будь здоров!» Эти слова смягчили чурчута (китайца), и он не только попросил меня сесть, а еще и лучше других принял, угощал чаем и разными яствами, которых я не мог есть, потому что не привык к змеям и тому подобным лакомствам китайских поваров.

Вот в общих чертах этот байронический образ, образ мужа со всеми зародышами мощного духа, способного вести за собой массы и склонять их к выполнению своих целей.

Немногом старше султана Барака бий Кунанбай, это тоже большая знаменитость в степи. Сын простого киргиза, одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний алкорана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся киргизов, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые.

Облеченный доверием сильного рода тобыкты, избранный на должность волостного управителя, исполняет ее с редкостным умением и энергией, а каждое его приказание, каждое слово выполняется по кивку головой. Когда-то он был красивым мужчиной, нынче на его лице следы оспы, несколько лет назад чуть не унесшей его в могилу, как Мирабо; во время вдохновенной речи он заставляет слушателей забыть о своем страшном обезображенном лице. Эти жестокие последствия страшной болезни всякий раз пробуждают в нем сладкие воспоминания о сочувствии земляков, которое может дать тебе доказательства его заслуг и значения.

– Толпы людей в отчаянии, – говорил он мне с волнением и гордостью, – днем и ночью окружали мою юрту, где среди невыносимых мук я боролся со смертью. Их слезы залили огонь, пожиравший меня, и вымолили у Аллаха возвращение меня к жизни.

Не таким ли сочувствием в одной из самых просвещенных стран Европы окружал народ последние минуты умирающего трибуна, что, как и Кунанбай, был его щитом против несправедливости и насилия богатых; этот народ, что оказался менее счастливым, чем нецивилизованный, не сумев выплакать у бога жизни для своего защитника, в порыве благодарности создал для умершего Пантеон.

С дюжину султанов и полдесятка мурз были нынче у нас на чаепитии. Обо всей этой родовой владетельной аристократии можно сказать словами нашей польской поговорки: «Стоит дворец Паца, а Пац – дворца». Белая кость³³ (султаны) рядом с Бараком кажется скорее серой, чем белой, а все баи (богачи) недостойны развязать ремешок на обуви Кунанбая.

АЯГУЗ, 12 июня. ПИСЬМО Г. З.

Откуда то неожиданное волнение?
Какое имя мир провозглашает?

Словацкий

С присоединением Средней орды к российским владениям в Азии кончилась и власть ханов. Со смертью последнего из них этот титул был отменен навсегда, и сегодня живым напоминанием о ханстве является только старая бабка, известная под именем ханши Валиевой.

³³ Аксуйек – так в переносном смысле называют султанов. – *Прим. автора.*

На руинах ханской власти Россия создала в Средней орде [20] власть старших султанов³⁴. Вообще-то весьма ограниченная такая власть в руках человека с головой и сердцем может, хоть это и не кажется на первый взгляд заметным, иметь определенное значение. Знаменитые родоначальники, гордые потомки ханов, стараются заполучить ее, как большую честь и ступень к возвышению. Но правительство строго наблюдает за тем, чтобы старшие султаны не забывали, что ханская власть кончилась и отошла в прошлое. В конечном счете хан был один а сегодня Средняя орда имеет семерых старших султанов.

Несколько часов тому назад я был свидетелем выборов старшего султана Аягузского округа. После кратких совещаний султанов и ел билеуши, проходивших под открытым небом в присутствии огромного множества людей, им стал тихий и бедный султан Булень. Кандидатом или его заместителем, словно для того, чтобы слабая тростинка могла опереться на несгибаемый дуб, выбрали уже известного тебе султана Барака [21]. Киргизы, верные обычаям предков, соблюдавшимся некогда при выборах своего земляка ханом, в мгновение ока разодрали меж собой на память скромный халат нового президента волости, почетную утрату которого сразу же возместил пограничный начальник, пожаловав ему от имени правительства пунцовый халат, богато вышитый золотом. Но мне кажется, что ничто так не осчастливило и не польстило больше его гордости, не подняло в собственных глазах и глазах сородичей, как громогласный залп, которым в честь его триумфа грянули орудия аягузской крепости.

В других странах новоизбранный сенатор, желая выказать свою благодарность избирателям, справляет им угощение из собственного кармана; у нас в степи делается совершенно иначе. Этот праздник, или, как киргизы называют, байгу (потому что обычно он сопровождается конными соревнованиями), устраивает за свой счет правительство, от имени которого местная власть оказывает честь и угощает как избирателей, так и сенатора, отмеченного их доверием. Действительно, все угощение состоит из чая и пилава для аристократии и баранины, конины и кумыса – для плебса. Но чего же более нужно для народа, которому чужды наши напитки, а кусок вареного мяса является самым желанным лакомством?

Во время нынешнего праздника я впервые имел возможность слышать уленши. Это киргизские трубадуры, барды степи, великие поэты, импровизации которых, как и талант исполнения, часто присущий киргизам, прекрасно свидетельствуя об умственных способностях этого народа, невольно перенесли меня в средние века, ибо только там, под каменными сводами готического замка, у какого-либо владетельного барона, пирующего среди своих вассалов, мог бы я найти то, чему был сегодня свидетелем под навесом киргизской юрты.

Вот описание этого праздника, какое я смог сделать наскоро, занятый приготовлением к завтрашнему походу.

За валами крепости есть обширная площадь, на которой в нескольких юртах, раскинутых для этого случая, помещается все киргизское общество, приглашенное на праздник. В самой большой из них – высшее общество, состоящее из султанов, биев, мулл, ходжей, мурз и старшин, во всей пестроте своих костюмов важно сидящее на коврах, покрывающих землю, и ожидающее прибытия пограничного начальника.

³⁴ По-киргизски ага-султан. – Прим. автора.

В 12 часов пограничный начальник, окруженный отрядом русско-польско-казацко-татарских гражданских и военных чиновников, прибывает на место праздника. У дверей аристократической юрты ага-султан в окружении нескольких степных лордов приветствует его краткой речью и торжественно отводит на приготовленное для него место.

С этого кресла, как с трона, по правую и по левую сторону которого стоят полукругом мундиры, пограничный начальник произносит несколько слов, обращенных к собравшимся, которые после перевода на киргизский язык драгомана возбуждают всеобщее восхищение.

Когда шум улегся, мулла прочитал молитву, прося Аллаха, чтобы благословил яства и напитки, приготовленные для них; собравшиеся, подняв руки вверх, в торжественном молчании слушали, молитву.

После этого религиозного обряда несколько русских толмачей вносят на огромных подносах чай, первую чашку которого вежливый джендерал, как киргизы титулуют пограничного начальника, преподносит новоизбранному ага-султану, другую берет для себя и дает приказ угощать всех поочередно.

Потом, когда все наше общество держит в руках чашки и подкрепляется китайским напитком, один молодой менестрель, красивый, с черными усиками и быстрыми глазами, ударяет по струнам своего невзрачного инструмента и смелым, мужественным, полным приятной гармонии голосом начинает импровизацию.

Надо понимать, что ее первые строфы – в честь джендерала. Поэт прославляет его достоинства, «радуясь вместе со всем народом, что осчастливил своим приездом, которого киргизы так нетерпеливо ожидают каждый год и который для них всегда то же, что весеннее солнце для степи. Это счастье, – уверял он вдохновенно, – было бы еще больше, полнее, если бы не мешал враг всеобщей безопасности и миру, но он лелеет надежду, что одна весть о приближении джендерала вновь прогонит Кенесары в песчаные пустыни Кара-Кумов...»

После этого комплимента, мастерски связанного со злободневностью, молодой Орынбай (имя нашего уленши) выступил с прославлением старшего султана Буленя, каркаралинского оратора Кунанбая и поочередно отдал дань своего преклонения перед каждым из знаменитых членов собрания; но никто из них не возбудил такого сильного энтузиазма, как султан Барак.

– О ты! – пел он со все растущим возбуждением, доходящим в конце, право, до восторга – О ты! Кровь Абульфаиза! Потомок Чингисхана! Султан Барак! Слушай песнь уленши Орынбая!

О! Слушай мою песнь, хоть это не первая и не последняя для твоего уха, ибо кто же из уленши не пел или не будет петь в твою честь!?

О! Велика наша степь! Но есть ли юрта, которая не слышала, которая не повторяет песнь о Бараке?

О! Ибо чей же род более знаменит, более древен, более благороден, чем род Барака! (Отец и дед Барака растут как на дрожжах.)

О! Кто же даст более мудрый совет на кенесе? Кто на суде биев справедливее развяжет спор, чем Барак?

О! Кто же превзойдет всех соперников мужеством, силой или мастерством на байге, как не Барак? (Барак скромно смотрит в землю).

О! Кто на охоте, кто в баранте так себя покажет, как Барак? (Барак не рад последней похвале, он морщит брови и потирает лоб.)

О! И кто же щедрее вознаградит бедного уленши, чем славный потомок ханов, султан Барак! (Барак смеется.)

О! Повсюду и всегда велик султан Барак! Самый большой батыр в степи – султан Барак!

О! Недаром по всей степи разносится только имя Барака! Барак! Барак!

Он окончил, а наш герой в порыве энтузиазма, утоленного лестью большого поэта тщеславия, сорвался со своего места, сбросил халат и, метнув им в поэта сказал:

– Должен тебе верблюда и скакуна!

Подражая щедрости Барака, только в меньшем размере, каждый в меру похвал и кадила, кто только получил их, желая не желая, но должен был воздать ему. В мгновение ока деньги, халаты и кони (эти последние, разумеется, в посулах) посыпались со всех сторон на голову поэта вместо лавров, а громогласные возгласы удовлетворения потрясли шаткие стены нашего здания.

Пока все это происходит и наш трубадур собирается импровизировать благодарность собравшимся за высокую оценку его таланта, из дальнего угла юрты послышался зловеющий для уха звон струны, и в ту же минуту, словно чертик из шкатулки, какая-то невзрачная фигурка перескакивает через головы достойнейших султанов и солидных ходжей и, с домброй в руках сев около удивленного Орынбая, хвастливо говорит ему:

– Посмотрим, кто из нас лучший уленши?!

На такие *dictum acerbum*³⁵ Орынбай ответил презрением, глаза у него заискрились, как у разъяренного кота, он покраснел как рак и, если бы не присутствие джендерала, швырнул бы, без сомнения, в глаза завистнику его поэтической славы, сопернику, весь запас энергичных выражений киргизской злости, а может, и сломал бы о его ненавистный лоб свою домбру. Но связанный приличиями, он не только сдержался, но и принял вызов с миной победителя.

Началась борьба. Немая тишина вновь объяла юрту.

Как на Олимпийских играх, два поэта боролись друг с другом. Едва один выстрелит строфой, другой немедля отстреливается; первый смело нападал, второй мастерски защищался; страсть у обоих все возрастала и разжигала острую борьбу. Это была захватывающая картина.

Не зная искусства стенографии, могу тебе передать только несколько строф, составляющих смысл поэзии нового уленши, удержанных памятью одного из моих толмачей.

– О! И я уленши киргизского народа; и я не первый раз пою в присутствии такого множества великих людей, людей прославленных!.. И я уленши, но не такой, как Орынбай: песни Джаная не такие, как песни Орынбая... О Орынбай! Ты прославлял джендерала, и Джанай сумел бы его похвалить! Но зачем ему похвалы бедного уленши, когда он и без них велик, прославлен и любим в степи! Ты прославлял наших султанов, потому что любишь их халаты и коней, а я никому не люблю льстить, как несчастный мусапир (нищий)... Ты льстишь каждому, потому что, словно голодный пес, ждешь, чтобы тебе бросили кость, а я не хочу быть нечистым животным... И ты смеешь называться уленши? Ты, поющий только тем, кто тебе платит!.. Если ты настоящий уленши, почему ты не поешь об умерших? Почему не прославляешь тех, которых уже нет? Почему не славишь наших

³⁵ *Dictum acerbum* – горькие слова (лат.).

отцов, наших предков, что когда-то жили в этой степи? О! Как их прославлять (передразнивая голос и жестикуляцию Орынбая), как о них петь, когда они не дадут ни коня, ни халата, а если бы и дали свои кости, их бы и собака не ела... Ой ты, Орынбай! О! Ты славный уленши! А знаешь ты, какова была степь в давние времена? Кем был киргиз во времена хана Аблая?.. и т. д.

Желая доказать, что он все это знает, как молитву, и в состоянии петь *de omnibus rebus et quibusdam aliis*³⁶, Орынбай прыгнул со своей домброй не дальше и не ближе, как к сотворению мира, и, начав от Адама, воздал славу каждому из патриархов, как перед этим присутствующим султанам; потом, переплыв в Ноевом ковчеге воды потопа, бросился с вершины Арарата на библейскую древность, не пропустив ни вавилонского Навуходоносора, ни фараонов Египта; наконец, неудержимый, словно Ниагарский водопад, запел о каждом из знаменитых мужей, которых встречал по дороге, и, не передохнув ни минуты в течение часа, счастливо добрался до самого Магомета. Этот ураган песни, нависший над последними десятью веками, вот-вот должен был упасть на головы героев исламизма и разбиться мелодичными брызгами над киргизской Ордой, как вдруг... О! При самом выходе из Мекки на домбре нашего певца-Фариса лопнула струна.

На этот раз отчаяние певца-поэта, забывшего о правилах приличия и о почетном госте степи, вырвало у него из глубины сердца тихое, но страшное проклятие...

Пока он натягивал струну, его соперник, не желая признать себя побежденным, предпринял новую атаку:

– Что же означает эта длинная история? Каждый мулла расскажет ее лучше, чем ты, ведь и ты ее узнал от муллы и сегодня похваляешься ею, как украденной кобылой... Но если ты хочешь доказать, что ты великий уленши, расскажи нам значение каждого числа, начиная с первого и до десятого. (Тут дело шло, как меня уверял толмач, об аллегорическом значении чисел в религиозном смысле.)

Только это и нужно было Орынбаю. Видно, этот предмет был его сильной стороной, потому что с явным удовольствием закричавши: «Тохта! тохта! (Подожди, тихо!)» – ударил он по струнам и начал вариации на заказанную тему, которые и исполнил *con amore e splendore*³⁷. Все киргизы, до тех пор молчавшие, прерывали его частыми выкриками и восторгались его талантом. Действительно, это было что-то прекрасное, если и я, не знающий языка, получил большое наслаждение. Услышав провозглашенное таким торжественным, словно звон башенных часов, голосом знакомое слово «бир (один)!» и вскоре за ним, еще торжественнее, со всей мощью духа веры брошенное, как бы с вершины выстреленного в небо минарета, набожным голосом муллы слово «Аллах», я сердцем понял, что великий поэт воспевает величие бога, который является высшим существом, и вместе с ним склонил голову перед величием этого «бир!», что сотворило миры. Дальнейшая импровизация осталась для меня темной, как ночь, аллегорией и, к несчастью, лилась так быстро, такой безумной рекой, что никто не мог зачерпнуть из нее ни капельки; лилась она долго, и не знаю, был бы конец этому паводку, если бы не внесли на поле боя огромные антипоэтические миски с пилавом, которые сдержали вдохновение уленши.

³⁶ *De omnibus rebus et quibusdam aliis* – всякие вещи и еще кое-что (лат.).

³⁷ *Con amore e splendore* – с любовью и блеском (исп.).

Он замолк, но на сей раз счастливым, поскольку вся аристократия ему присудила пальму первенства. Джендерал же, боясь, видимо, еще большего наводнения песен и звуков киргизской музыки, несколькими лестными словами и поднесением подарков – отличного сукна на чамбары – ублажил самолюбие соперника, и на этом закончилась их борьба. И все это ведь, думал я, слышу я своими ушами в степи, среди народа, который мир считает диким и варварским! Несколько дней тому назад я был свидетелем столкновения между двумя враждующими партиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда и не слышали о Демосфене и Цицероне; а сегодня передо мной выступают поэты, не умеющие ни читать, ни писать, однако поражающие меня своими талантами, ибо песни их так много говорят моей душе и сердцу. И это дикие варвары? И это народ, которому вовек предназначено быть только никчемными пастухами, лишенными всякого иного будущего?! О нет! Воистину! Народ, который одарен Творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в киргизские пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз, как высшие касты Индостана на несчастных париев...

Праздник длился недолго, потому что список блюд был короток: на первое блюдо – пилав, на второе – воловина, на третье – баранина, и баста! *Omne trinum perfectum*³⁸. Кумыс вместо шампанского. Молитва была началом и завершением праздника. Все прошло вполне прилично. Лишь когда джендерал попрощался с собранием и вместе со своей свитой покинул юрту, общественный порядок был несколько нарушен, так как бушующие волны плебса, не насытившегося своей кониной, добываясь остатков аристократического ужина, низвергнули навес из кошмы на головы патриархов. К счастью, не только никто не утратил жизни во время этого страшного случая, но даже ни одна голова не понесла ни малейшего ущерба. Да здравствуют киргизы!

Завтра оставляем Аягуз. Как скоро найду возможность переслать тебе весточку о себе – предвидеть нельзя, ибо сегодня Аягуз является для меня тем, чем порт для парусника, пускающегося в океан: это последняя точка, откуда идет почта в Сибирь. За аягузскими рогатками – «досками забито», как говорит пословица. Конец света! Итак, до того, как за этими Геркулесовыми столбами, за этой *ultima Thule*³⁹ подвернется какая-то возможность отправить тебе письмо, будь здоров, мой дорогой! Это письмо – последнее, написанное в халупе; следующее, может быть, буду писать в какой-нибудь пещере, под панцирем алатауских льдов.

Из дневника путешествия

13 июня

С утра сильный ветер; приготовления к отъезду. Ужасный ураган. В час дня мы выезжаем из Аягуза: казачья сотня, одно орудие и кокбектинские киргизы под руководством Кийсыка-Тана, часть вооруженная винтовками, айбалтами и луками. Нашим предводителем является старый бий Бейбит, который поехал для того, чтобы отобрать халат, присвоенный уйсунами еще в 1814 году.

Баши, без которого путешественник в степи не может обойтись, как в американской пуще без индейца, это обычно человек на возрасте, бывалый, опытный,

³⁸ *Omne trinum perfectum* – все три превосходны (лат.).

³⁹ *Ultima Thule* – здесь – последняя граница (лат.).

который, проведя свою молодость на баранте и пересекая Орду из конца в конец, часто ценой многих отметин на лбу приобретал такое хорошее знакомство с местностью, что был в состоянии лучше, чем самая подробная карта, провести в отдаленный пункт степи самым верным и коротким путем. Днем – с помощью замеченных и удержанных в памяти гор, ручьев, источников, могил, скал; ночью – с помощью звезд и ветра. Баши, основательно знающий свою профессию, очень ценится. И не раз шайка разбойников, отправляясь в поход в далекие аулы, жертвует значительную часть добычи с баранты, стараясь приобрести проводником человека, топографические, минералогические, астрономические, а более всего гидрографические познания которого обещают ей удачное завершение предприятия. Именно такого, обладающего универсальной наукой баши и послало нам исключительное покровительство Фортуны в особе бия Бейбита, некогда батыра [22], любителя баранты и охоты, посла, дипломата, судью, а нынче – пусть это не умалит его славы – приживальщика, который, бросив на волю судьбы старую, как и сам, половину и жалкое достояние в своей юрте, целый год бродяжит от аула к аулу, от одного султана к другому, проводя у них и вместе с ними по несколько дней на кенесах, байге, погребальных обрядах – одним словом, на всех тех собраниях *in gratiam*⁴⁰, на которых киргиз волей-неволей должен резать баранов и коней. Будучи, как все приживальщики и резиденты на свете, большим говоруном, он рассказывал мне, что сорок лет назад, являясь членом киргизского посольства в Петербурге, во время приема у царя Александра видел сразу шесть королей (?!). Царь обратился к послам Орды с такими словами: «Слушайте! От моего отца, деда и прадеда я получил три вещи: Петербург, войско и купечество. Я живу далеко от вас; поэтому вы охраняйте караваны моих купцов, проходящие через ваши степи. Ибо если нельзя будет безопасно торговать, придется прислать к вам войско». Позднее, во второй раз приехав в столицу, он царя не застал, хотя и ожидал его 22 месяца и 17 дней. Не дождавшись, вернулся на родину. Но российский монарх, прибыв из-за границы, как только его уведомили о посещении посла, прислал ему через султана Сюка Аблайханова поклон и палаш вместе с богатым халатом. Палаш этот до сих пор у него, и нынче, плотно вдвинутый в чехол из кошмы, красуется на боку у экс-посла; а халата, несмотря на всю свою дипломатию, он с 1814 года никак не может получить. Он потому, собственно, и взял на себя должность почетного баши, чтобы при помощи влияния и протекции джендерала добыть из рук уйсунув дарованный ему столько лет назад монарший гостинец. И вот эта полусерьезная, полупотешная степная знаменитость с привязанным к саженному копыю красным платком, выйдя на резвом буланке перед нашим авангардом во время выступления в поход, предоставила себя со всей своей географией, минералогией, гидрографией, метеорологией и астрономией к услугам экспедиции. А за ним, как флотилия за магнитной стрелкой компаса, устремились и мы.

Ураган, дойдя в своей ярости до зенита, стал наконец слабеть, и вскоре тучи, вышедшие из его повиновения, облили нас проливным дождем, за который после такой долгой жары и пыли, забивающей глотку, мы совершенно не сердились; тем более, что, обмыв нам лица и освежив воздух, он прекратился.

Наш караван, оставив по правую руку реку Аягуз, текущую в озеро Балхаш, шел берегом Нарына, заключенного в скалистое ложе, по дороге, которой кара-

⁴⁰ *In gratiam* – бесплатно, даром (лат.).

ваны тянутся через Тарбагатай (горы) на китайскую ярмарку в Чугучак. Я очень жалел, что копьё нашего баши все больше отдаляется от хрустальных вод первой из названных речек: и из-за ее берегов, поросших на протяжении ста верст милой для глаз путника зеленью, и из-за соловьев, что целыми ночами распевали для меня какие-то дикие непонятные песенки; наконец, из-за того, что я потерял возможность посетить могилу, покрывавшую останки влюбленных Козы-Корпеша и Баян-Слу, увидеть на ней камни, где резец степного ваятеля оставил потомству портреты романтической пары.

После шестичасового перехода караван верблюдов с юртами, шатрами и выюками получил приказ пойти вперед и у подошвы горы Чингужи, на берегу Нарына, поставить юрты.

Полчаса спустя мы вышли к Чингужи и застали приказ выполненным.

Наш начальник выбрал для ночлега великолепную летнюю резиденцию султана Усмана, а мы, гражданско-военный штаб и его охрана, заняли стоящую рядом беседку, в которой после бессонных аягузских ночей, избавившись наконец от жары и проклятых оводов, под шорох журчащего по камням Нарына и воркование горлинок в первый раз сладко уснули, почти так же крепко, как та пара нежных киргизских голубков.

14 июня

Ночью один конь, запутавшись, сломал ногу. Киргизы его сразу прирезали, и во время похода мы видели куски конины, притороченные к седлам. С 4 до 10 часов утра мы пеклись, право же, на африканском солнце. Маленькая речка Ай, на берегу которой мы стояли лагерем до 2 часов дня, своей хрустальной водой подкрепила наши силы. Вечером вышли к источнику Карабулак. Все время шли каменистой дорогой. Из-под копыт наших лошадей то и дело выпархивали дрофы, выскальзывали ящерицы, фаланги.

15 июня

На третий день пути увидели слева Тарбагатай, а перед собой Алатауские горы. Все новые и новые цветы. Множество дроф; семь маленьких мы изловили. Иногда появляются сайги. После четырех часов марша отдыхали над Караколем, речкой в прекрасной зеленой долине; жара усиливается. Здесь уже повсюду песчано-глинистый грунт, часто солонцы, следы отступления моря, которое ныне представляют ала-кули (озера). Появляются кусты красивой зелени, джингил. С часу до восьми – на марше. Ночлег в камышах Ала-Куля. Там должны быть кабаны и тигры; следы первых мы видели, о вторых не слышно. Но зато крики уток, лебедей и гусей, право, оглушительны.

16 июня

На четвертый день баши хотел провести нас ближайшей дорогой, то есть через камыши, но так завяз в болоте, что едва смог выбраться и чуть было не закончил свое почетное дипломатическое дело бесславной смертью. Но, выбравшись из болота, хотевшего его взять живьем, он не растерялся и объяснил все тем, что море увеличилось, потому что 40 лет назад он не только само болото, но и брод переходил не один раз без всякого ущерба. Поэтому, не тратя времени, мы подались более длинной, но вполне надежной дорогой мимо дебрей камышовых зарослей.

обход которых отнял у нас пять часов. Все это время Ала-Куль совершенно не был виден. Столько наслышавшись от киргизов о его морской величине и не видя ни одной его капельки, я подумал, что и это море – мираж, как все вчерашние озера, и уже не сомневался, что останется он для меня загадкой, которую, может быть, разгадают позднейшие географы.

В этот миг мой скакун вынес меня на песчаное взгорье Ай-Тобе.

Боже! Какая захватывающая картина! Весь наш отряд крикнул в один голос в порыве восхищения. Есть ли что-нибудь более великолепное на свете?! Можно ли вообразить себе что-то более монументальное?!

Перед нами зеркало вод, не объемлемых оком, ранее не видимое, заслоненное непроходимой чащей камышей, охраняемое от любопытных путешественников страшной пастью тигра, море киргизов – Ала-Куль! Над его волнами, дрожащими в огне солнечных лучей, гордо возвышается единственный остров, несущий на своих плечах дикую, мрачную островерхую гору Арал-Тобе. Я сказал бы: это на заколдованном море зачатый замок какого-то чернокнижника или духа этих вод, не тронутых веслом ни одного Колумба. Слева в сумеречной дали величественные колоссы Тарбагатая, справа – уходящая в небеса хрустальная стена вечных льдов Ала-Тау: вот рамы пейзажа! А над всей этой пустыней земли и воды прозрачная, ясная голубизна неба, и, погружая в нее взор, восклицаешь вместе с поэтом:

Небо чистое, настолько чистое и ясное,
Что можно бы увидеть бога в небе!

Было время, когда с вершин Апеннин я глядел на два моря: это поистине величественная картина, и она много говорила моему сердцу; но думается, что если б даже на крыльях кондора я взлетел на самый высокий пик Кордильер и оттуда, бросая взгляды, каждый раз видел у ног своих иной океан, я не чувствовал бы того, что пережил сегодня, стоя на небольшом взгорье и видя вокруг себя такие пустыни, перед собой такие воды, рядом такие горы и над собой такое небо!

Но, несмотря на то, что эта картина поразила меня своей необычайной поэтичностью, выразительностью, гармонией, я уверен, что впечатление было бы во сто раз мощнее, если бы я находился не в толпе, в толчее, среди людей и животных, но в одиночестве, несущимся фарисом, пролетающим на своем скакуне пустыню; вдруг, остановившись, увидел бы это озеро среди вечного молчания природы! О, чувствую, что если бы в первый момент не окаменел от восторга, увидев эту картину, то был бы обязан жизнью только милости того, кто создал этот шедевр.

Отряды наши, мелькнув на вершине Ай-Тобе, вышли на берег доступного в этом месте Ала-Куля, которому за его величину и великолепие в восторге утвердили мы почетное звание «тениз» (море), данное ему киргизами. Здесь у нас был короткий привал, который мало помог, поскольку жара, усиливаясь с каждой минутой продвижения солнца по небу, дошла в этот день до такой неслыханной силы, что даже в тени, под пологом юрты, не было спасения. Люди и кони искали прохлады в струях Ала-Куля, но это средство освежить силы было минутным. В довершение всего нас ожидала «приятная» перспектива: переход через безводную пустыню Дала, почти 70 верст длиной, переход, который нужно было совершить обязательно одним усилием, чтобы добраться до первого источника, находящегося у подножия горы Сайкан, первой из гор Ала-Тау в

этой стороне, которая, словно морской маяк, должна была руководить нашей переправой через это экс-море.

И вот наш предводитель, не обращая внимания на ужасную жару, при воспоминании о которой я еще и сегодня обливаюсь потом, в час дня сел на своего гнедка и дал приказ продвигаться быстрым шагом. Колонны двинулись, а я за ними с чувством индианки, идущей на костер.

Первое, что мы увидели и что нас неприятно поразило, – было киргизское кладбище. Это вообще грустное зрелище, а тут еще в пустыне, в этой подлинной картине смерти, несколько десятков могил со сводами из камыша, обмазанного глиной, частью уже занесенных песком, частью разрушенных вихрями, составляли посмертный аул киргизов и торчали, как скелеты его обитателей, которые при жизни ставили тут зимой свои юрты у берегов Ала-Куля либо, переходя через Дала, случайно нашли здесь свою смерть. Словно для того, чтобы произвести на нас еще более ужасное впечатление, на нескольких, самых высоких, могилах сидели крикливые атайки, которые, прощаясь своим зловещим криком с уходящими колоннами, казалось, призывали на наши головы проклятья за кровь своих детей.

Вскоре мы попали на так называемую кульджинскую караванную дорогу, но в действительности это ни больше ни меньше, как ее тень, обозначенная копытами верблюдов и побелевшими от солнца и от времени их останками, костями лошадей, баранов, а может, и людей, тень, с которой, однако, наш баши ни на минуту не спускал глаз. След дороги тянулся через разноцветные пески, серые, желтые, белые, соленые на вкус, или через потрескавшиеся пласты ила, покрытого флорой, присущей этой мрачной местности и, как я заметил, весьма приходящейся по вкусу верблюдам, которые с жадностью щипали ее верхушки. Среди подобных растений тут великое множество каких-то кустиков вооруженного колючками сорняка, известного под названием кокпек, какой-то стройный сасык-курай с пустыми древесными стволами, род болиголова, покрывающего обычно сибирские степи, при нехватке дров идущего на топливо. Наконец, какой-то канбак, кустик шарообразной формы, издали похожий на круглый арбуз. Это растение, слабо закрепленное в почве, когда засыхает, отрывается от нее и, словно созданное для движения, путешествует по степи, передвигаясь по ветру. Осенью тысячи, порой десятки тысяч этаких бомб, вращающихся вокруг себя и двигающихся с неопишуемой скоростью, кажутся издали непривычному глазу массой убегающих антилоп. Мне говорили, что тут растет *rhum-barbarum*⁴¹, но не захотелось искать его среди змей и ящерок разных пород и окраски, опасных и неопасных, среди тарантулов и скорпионов, которых мы тут убивали на каждом шагу в огромном количестве. Это их классическая земля, эти на вид вполне добропорядочные создания, может, по существу, лучшие, чем их жуткая слава среди киргизов, свободно грелись на солнышке, как в благословенные времена, когда, кроме них, никого на свете не было. Нынче пришел человек, посмотрел на гадов с отвращением и презрением, как будто сам был лучше, прошел по их хребтам, и долго-долго будет помнить его стопу ползающее население Дала. Наши спутники-киргизы особенно отличались страстью к искоренению бедных джиланов и кесертке: били винных и невинных; тысячами падали они под ударами киргизского кнута, и я уверен, что наша дорога, устланная трупами

⁴¹ *Rhum-barbarum* – барбарис, кустарник.

этой ползающей братии, через месяц послужит какому-нибудь каравану самой лучшей вехой при переходе через пустыню.

А пока солнце на безоблачном небе двигалось медленно, стегая нас своими огненными бичами и припекая зноем, о котором только тот может иметь представление, кто пересекал сирийские пустыни или пески Сахары. Невыносимые муки терзали не только тело, но и мозг; подобные осужденным на вечные муки ада, ехали мы на наших покрытых пеной скакунах, еле удерживая в ослабевшей руке поводья и угрюмым, безумным взором глядя перед собой. Какая-то торжественная, наполняющая невольной тревогой тишина, обычная предвестница землетрясений или урагана, господствовала во всей природе. Взор, помраченный ослепительным блеском света, разлитого в атмосфере, поражали какие-то зловещие фосфорические молнии, извивающиеся, словно воздушные змейки: казалось, вот-вот настанет момент, когда эти блуждающие искры небесного огня подожгут какую-нибудь сухую траву, и в мгновение ока вся растительность пустыни займется пожаром, в пламени и дыму которого мы погибнем, как некогда обитатели Содомы и Гоморры.

Под влиянием этих бредовых представлений путались мысли в пылающей голове, а в сердце по мере упадка сил и все усиливающихся мук жажды, утолить которую не было возможности, все росло беспокойство. Наконец сама картина отрядов, продвигающихся в гробовом молчании, безмолвное, словно в пух, погружение копыт коней и верблюдов, глухой оборот тяжких колес артиллерийских орудий, останки некогда живых существ, разбросанные по дороге, право, почти на каждом шагу змея или омерзительный тарантул – все это было чем-то необычным, дьявольским, наполняло, словно ночной кошмар, скверным чувством и все более увеличивало мучение от жары, которая в этот день – в смысле количества градусов – смело могла потягаться за первенство с наиболее жгучим обдорским или туруханским вином.

Обливаясь кровавым потом, изнемогающие, каждые полчаса, а то и пятнадцать минут меня лошадей под артиллерией и фургонами, продвигались мы все дальше и дальше в глубь пустыни; но не каждый из нас мог противостоять власти божества, сидящего на своем золотом троне во всем блеске величия. Первым перед этим страшным величием преклонил колени предводитель похода, который хотя и был слаб здоровьем, но крепок духом, и, как самый ярый поклонник Зороастры, отдал ему дань глубокого уважения и со смирением укрылся в тарантасе, заменившем ему своды пещеры Митры.

По примеру вождя весь отряд, видя такую честь, оказанную божеству света, искал где только мог укрытия для своих голов, чересчур щедро освещенных его лучами. Только я да лекарь не захотели склониться. Но эскулапа нашего в седле удержало сухое телосложение, а может быть, какие-нибудь таинственные средства против жары; меня же – сильная, несгибаемая воля не поддаваться, и вторая, должен сознаться, не такая уж благородная причина – желание отомстить богатырскому штабу, который еще в Аягузе клялся, что меня с первого же ночлега отправят в больницу. Сегодня с высоты моего скакуна (которого я за его отвагу назвал Бараком в честь султана Барака) я с торжеством поглядывал на живописную картину голов моих противников, искавших прохлады под сенью, увы! котла, ведра или корзины с курами, и выразил сожаление, что слишком далеко до Аягуза, чтобы их потом отправить в лазарет. Киргизы устроились

лучше, поскольку аристократия ехала под зонтами, а простой народ, надев шубы или ергаки, а на голову лисий или бараний малахай, казалось, должен был больше бояться мороза, чем жары, но она, в конечном счете, была ему в этом костюме не так невыносима, как европейцу в тонком мундире и легком головном уборе.

Но уже приближалась минута, которая много лет назад была так страшна Иисусу, что, желая ее отдалить, он не поколебался нарушить закон природы и закричал: «*Sta sol! ne movearis!*»⁴², остановил солнце. Для нас, поскольку мы ничего больше не желали, как только захода этой планеты, та минута, когда она начала склоняться к земле своей огнедышащей пастью, была тем, чем некогда для семьи Ноя радуга, предвещавшая конец потопа.

На заходе солнца мы стали на границе Дала. Ее составляет длинная цепь песчаных холмов, украшенных зеленой короной джингила, которая, кажется, только для того блестит на их желтых мертвых лбах, чтобы дух пустыни мог пожертвовать скромный венец тому, кто с мужественным сердцем пересек его страшные владения. При виде этого благодарного куста я сразу понял аллегория, оторвал целую ветвь и, воткнув ее в белую китайскую шляпу, которая служила мне прикрытием во время жары, гордо пронесся мимо арб и таратаек, в которых перевязи и аксельбанты уже начали возвращаться к жизни. Возвестив им заход солнца, я спросил, не хотят ли они, воспользовавшись легким дыханием зефира и милым холодком, совершить прогулку и подышать свежим воздухом, буде их не удержит боязнь схватить катар. Мои герои, как ужи по весне, высовывали головы из своих укрытий, но, не будучи злы сердцем, смехом и шутками отбивали мои атаки, вместе со мной обрадованные тем, что наступил вечер, которого мы ожидали, как спасения. То был конец страданиям лишь одного дня длиной в вечность, но не похода. Ибо лежала перед нами обширная долина, гладкая, словно зеркало, более низкая по уровню, чем Дала, протянувшаяся к самому подножию гор. Проехав верст 15, в 9 часов мы остановились у подошвы горы Сайкан, первой из цепи Алатауского хребта. Здесь мы нашли отменный родник около могил, стоящих на пригорке. Справа от нас гора Сары-Булак. Для ночлега нам пришлось вытащить железные койки из-за множества фаланг и тарантулов, одного из которых мы убили в нашей юрте.

17 июня

На пятый день, выйдя в 4 часа утра, стали подниматься в горы. Все более великолепен вид снежных гор. Это был день моих именин. В 10 часов мы выехали в долину реки Чинжалы. Тут прискакал гонец с донесением, что вчера кисаевцы в количестве 60 человек ограбили едущих впереди Буленя и Тауке Агадаева и других – более 30 безоружных. Брат Буленя сбежал. Однако Буленю, как только его узнали, отдали все, кроме шапки. Здесь над краем долины песчаные горы – настоящие воровские тайники, одетые прекрасным кустарником, в частности красиво цветущим джингилем, джигидой. В самой долине трава высокая, но такое множество саранчи, что трава скоро исчезнет, если только проливной дождь не зальет саранчу. Страшная жара. Поля возделывают при помощи каналов и ирригации, сеют на них просо. В 2 часа двинулись дальше и снова шли вдоль реки, на ней и заночевали.

⁴² *Sta sol! ne movearis!* – Солнце, остановись! Не двигайся (лат.).

18 июня

На шестой день выехали в 4 часа утра. Захваченные видом восходящего солнца, бросающего свои лучи на горы и их, никаким пером неопишемое, великолепие, мы удивлялись, глядя, как киргизы снизу вверх поднимают воду для полива своих нив. Шли шесть часов, и после привала вновь стали подниматься в горы. Были трудные переправы, но хваты-артиллеристы преодолели все. Наконец увидели Лепсу в тополином венке и первые яблони в цвету. Буйная трава покрывает все горы и долины. Нас встретил Бекхожа, а до него еще высланный вперед с пикой баши. Позднее приехали Булень, Ибак и несколько уйсунов. Наконец с одной горы мы увидели огромную панораму чудесной долины Ой-Джайлау, кочевье Буленя, куда спустились, преодолев быстрое течение Лепсы, и были встречены отрядом Бозачинина. К заходу солнца мы стали на месте, сделав в общем 342 версты. Когда генерал спросил Кунанбая, как ему нравится вид Ала-Тау, тот сказал: «Великий боже! Как ты устроил! На горе люди умирают от мороза, внизу сохнут от жары!» В другой раз молвил: «Все красиво, все есть, что нужно для коня и скота, но к чему все это, когда оно чужое и так много змей?» Поэт восклицал: «Когда же въедем в облака?» – и говорил нам, что запоминает все, чтобы потом воспеть.

Только мы легли спать, как завыл ветер, такой сильный, что мы еле удержали юрту, поставленную наспех. Шел дождь, но недолго. Мы крепко заснули под шум ветра и журчание одного из притоков Лепсы, отделяющего нас от аула Буленя и гор, покрытых пихтовым, тополиным и березовым лесами.

19 июня

Встав утром, мы увидели Ой-Джайлау во всем блеске красоты. Роса покрывала траву, свежесть воздуха ни с чем не сравнима. Но около 8 часов уже было пекло, а так как я выпил много кумыса, то так захмелел, что вынужден был лечь спать в присутствии 25 киргизов, прибывших с Кушбеком, старшим каркаралинским султаном. После полудня гром и проливной дождь, который проходил сквозь юрту, как сквозь сито, но вскоре он прекратился, и опять разведрило. Киргизы привели маленького медвежонка, пойманного арканом. Остальные два медвежонка и матка убежали от крика десятка киргизов, ехавших верхом. Принесли нам также иргаю. Спал я в этот день, то есть 19-го, утром и после обеда, как убитый: результат либо кумыса, либо путешествия. В конечном счете чувствую себя хорошо, только ноги дрожат, как студень. Проснувшись, сломя голову поспешил написать матери, чтобы не упустить возможности отправить письмо.

ОЙ-ДЖАЙЛАУ, 19 июня. ПИСЬМО МАТЕРИ

После шестидневного путешествия, неопишемых трудностей, вчера, на заходе солнца, стали мы на берегах чарующей Лепсы, в долине Ой-Джайлау, у султана Буленя. Чтобы дать вам представление о несравненной красоте этого места, скажу, что если бы даже я пешком пришел сюда из Омска, и тогда я не пожалел бы о затраченном труде. Ни один король в мире не живет в такой прекрасной, такой романтической стороне, как наш киргиз. Над нами горы, по-

крытые пихтой, березой, тополями; в ущельях яблони, джигида, иргай, разные кусты с ягодами. По-над этими горами – более высокие с хвойным лесом, а над ними возвышаются еще одни, в облаках, где царит вечная зима. Перед нами Лепса, журчащая по камням несколькими руслами. Всюду трава по колено. Кони, верблюды, коровы на холмах. Рай земной: ах, почему я не могу больше о нем писать!

Я здоров, как степной конь, и не пойму, каким образом я на столько гор въехал и со столькох гор спустился верхом! Ах, какие кони! Все путешествие совершил на одном коне, и ни разу не упал; приехав на место, расцеловал его. Только что недалеко от нас киргизы поймали медвежонка, который сейчас в двух шагах от меня пьет кумыс, словно это молоко матки, и верещит во всю мочь. О! как я сейчас далеко от вас, в краю, где, наверно, никто из моих сородичей никогда не был.

Из дневника путешествия

20 июня

Встав в 7 часов, ходил на ближайшую гору. Что за вид на речку, мурлыкающую по камешкам и опоясанную тополями! Снова дождь, после дождя снова ведро и снова жара. Стоим над речкой Сарымсакты. Кроме нее, в Лепсу в этой стороне впадают Джунджурек, Агыныкатты (быстро бегущая река), Тома-раша и Теректы. Весь край Джетысу (Семиречье) населен киргизами Большой орды. Реки, стекающие с гор и пропадающие в Балхаше, называются Лепса, Саркан, Баскан, Аксу, Тиень, Кызылагач, Каратал, Коксу (впадающая в Каратал), а Или, самая большая, является границей от каракиргизов (бурутов) [23]. Привели молодого марала. Над Лепсой черепахи, выдры. Прибыл Бексулган Агадаев со своим сыном и отрядом охраны. Привез для всего лагеря и для нас кумыс. Все певцы были с поздравлениями у Кушбека, достоинства и величие которого они прославляли. Каждый из них получил награду, а самую большую – Орынбай: верблюда, коня и два халата, десять рубашек и тогуз.

Наш маршрут от Аягуза до Лепсы:

1. За рекой Нарын к урочищу Чингужи – 30 верст.
2. За рекой Аи – 36 верст. До источника Карабулак – 33 версты.
3. Над рекой Каракол – 24 версты. Мимо камышей Сасык-Куля, около Уялы-Куля, а в общем около Ала-Куля – 42 версты.
4. Обход камышей до Ай-Тобе – 24 версты. До источников в ущелье у горы Сайкан – 60 верст.
5. Над речкой Чинжала – 25 верст. До ночевки над той же речкой – 25 верст.
6. Урочищем Каргалы – 23 версты. До отряда на урочище Ой-Джайлау – 20 верст.

Всего 342 версты.

Большая орда – Улы, Средняя орда – Урта, а Малая – Киши.

Татары говорили, что тут много джультарсов (тигров), но выше, в сосновом лесу. Медведи на людей не нападают, но баранам спуску не дают. Кабаны и тигры летом уходят в камыши Балхаша. В горах должно быть много маралов, архаров и козлов. Деревья: пихта, ель, береза; кусты: малина, вишня, черная и красная смородина; на южном склоне – дикий урюк. Самая высокая гора у китайской границы – Кок-Тау.

Каркаралинский султан Рустем рассказывал мне, что когда он однажды, едуци с несколькими киргизами, углубился в тростники, окаймляющие берега реки Чу, оттуда выскочил джультбарс и бросился прямо на него. Не имея в руках оружия, кроме айбалты, он ударил ею тигра по носу, между глаз, и тот сразу упал, а тем временем лежащего добила его товарищи. Тигр был величиной с однолетнего быка. Шкура находилась у г-на Сухоналимова. Нужно быть бесчувственным, чтобы отдать вещь, с которой связаны такие воспоминания. Я спросил, приходилось ли ему еще когда-либо встречаться с этим зверем. Ответил, что никогда в жизни.

Вечером, после отбоя и пуска ракеты, которая на этот раз довольно высоко взлетела в воздух, сидели мы до 12 часов у есаула; ели просяную кашу, сухари, пили кумыс и свободно разговаривали. Жизнь, которую мы тут ведем: юрта, отдаленность от населенных мест – все это как-то сближает людей, все рады бывать друг с другом, хотя бы для того, чтобы поговорить о красоте окружающей нас природы.

21 июня

Здорово выспавшись, я встал утром, когда мои коллеги еще спали, и с сигарой в руке пошел на соседнюю гору. Казак копал печку, поэтому я видел состав земли: чернозем на глине. Спросил его, почему не сеют тут пшеницу. Он ответил, что из-за боязни утренних заморозков. Однако ее сеют в долинах, чтобы ближе было поливать. Просо дает такой урожай, что, посеяв пять фунтов, собирали тридцать киргизских мешков, в каждом три с половиной пуда.

Смотрел на забавы молодого султана, сына Буленя, как он над речкой рядом с юртой своих работников играл с украинчиной со своими полуголыми ровесниками. Адъютанты Кушбека (так они сами себя называют). Утро великолепное. Я насчитал в нашем лагере двадцать пять юрт. В 8 часов утра мы с Чевкиным вышли на гору над Сарымсакты. Тянется узкая долина, в которой растут огромные тополя, кое-где пихта, жимолость, береза, маленькие осинки, малина, черная смородина. На открытых местах очень жарко, в тени – приятный холодок. Вода падает маленькими каскадиками. В нескольких местах мы не могли пройти по берегу и вынуждены были переходить с одной стороны реки на другую. Никаких птиц, кроме иволги, уток и дятлов. Весной тут вода, вероятно, дьявольски бушует, потому что много тополей лежат, вырванные с корнем, а запутавшиеся в корнях камни вместе с ними вышли наверх.

По всему этому ущелью стоят юрты, в них киргизки с их голенькими детьми. Вокруг множество коров, верблюдов, коней и жеребят, привязанных на аркане. Мы вернулись в 12 часов такие измученные, что только кумысом и сумели подкрепиться. Сегодня приехал Барак со своим отрядом. Поэт пел Бексултану! Тот дал ему халат и тайтуяк, но оказалось, что он не очень большой ценитель поэзии, так как сказал генералу, что прогнал бы поэта, если бы он не приехал с его отрядом.

К вечеру мы начали перепись населения Есенжол-Садыровской волости, управителем которой является Ибак Джабаев (коллежский асессор и кавалер). Во время переписи один из старшин, видя обхождение Виктора и всех нас с ними, сказал: «Что это значит, почему русские, которые к нам приезжают, не такие, как вы? Научи ты их, чтобы они с нами так же деликатно поступали, как ты. Приезжай к нам в аул». Виктор ответил: «Я благодарен за твое предложение, но я боюсь к

вам ехать, потому что у вас медведи и тигры». «Не бойся, – отвечал тот, – мы все выедем тебе навстречу и уберем тебя от зверей!»

Богатые киргизы не очень деликатны. Беда нам: если хочешь пить чай – надо от них укрываться. Бексултан, например, будучи вчера у Нюхалова, не только сам пил, сколько влезет, но еще и велел подать несколько чашек, клал в них куски сахара и раздавал своим туленгутам⁴³. Брат его Бубай, придя к нам, просил угостить чаем; когда ему подали, угощал сидящих рядом киргизов и позвал еще нескольких, бывших вне юрты. А когда Виктор заметил, что пригласил его, а не других, он сказал: «Ты что, жалеешь для меня чаю? Приезжай ко мне, я тебе насыплю вдоволь». Сами же редко имеют чай. Бексултан совершенно не пьет у себя, и хотя он богач, имеющий до 500 юрт и 3000 коней, на которых никогда узды не было, он даже кобыл не доит, не пьет кумысу, довольствуясь айраном. Он и Конур-Кульджа (акмолинский султан) самые богатые в степи и самые скупые. Кони у Бексултана – голова к голове, стоят по 250 рублей. Богатство, составленное при помощи баранты.

Сегодня пришло извещение, что этот султан, узнав о нападении кисаевцев на его братьев и Буленя, послал 200 киргизов, которые догнали и напали на них, когда те, не ожидая погони, спокойно делили добычу в ущелье Ала-Тау. Говорят, что только один сумел убежать, остальные попались им в руки: девять взяты в плен, остальных, раздев донага, пустили в свои аулы. Теперь кисаевцы не только потеряли чужое и свое, но должны будут за дорогую цену выкупить товарищей и еще дороже заплатить за оскорбление, нанесенное султанам, а особенно Буленю, как старшему султану.

Ночью мы отпраздновали день рождения Виктора, было нам так весело в нашей юрте, как никогда в Омске в разукрашенных комнатах, сидя за глупым преферансом. В общем, замечу, что, несмотря на трудности и множество неудобств, прекрасная природа вокруг нас имеет такое спасительное влияние на всех, что все ею интересуются, постоянно о ней говорят, и все довольны. Шел дождь, но недолго.

22 июня

Встал рано утром и бродил с сигарой в зубах и без шапки до тех пор, пока около семи часов не началась жара и не поднялся генерал. Был на чаепитии у есаула, который сегодня справляет свои именины. Говорили о здоровье здешних киргизов: здесь почти не видно больных, не то что на пограничной линии.

В 8 часов ходили с генералом в горы, видели всю долину Сарымсақты, густо заросшую разными деревьями, попалось нам множество огромных яблонь, осыпанных плодами, которыми никто, кроме медведей, не пользуется, поскольку киргизы во время их созревания кочуют в других местах.

После полудня готовились к завтрашней охоте. Я послал за моим Бараксом (конем). День прекрасный, ветерок, а дождь, хотя и шел в горах, нас в первый раз обошел. Генералу привели молодого марала, с крапинками – еще белыми, которые он, вырастая, утрачивает. Из рогов маралов, особенно молодых, в Китае делают

⁴³ Туленгуты – это киргизы, специально находящиеся при султанах. Часто бывают более богаты, чем они, и единственно для того, чтобы отвертеться от общественных повинностей, хоронятся под их непосредственное покровительство. Туленгуты в собственном значении слова, то есть подданных, в степи мало. – *Прим. автора.*

какое-то масло, которое заменяет кантаридин. Значительная торговля ведется по этой статье в Чугучаке и Кульдже. Рога продаются вместе с головой, и держат ее так, чтобы кровь стекала в рога и питала их. Марал называется бугы.

Вечером Булень пригласил генерала на чай, подавали пилав и кумыс. Во время визита генерала пришла из другой юрты жена Буленя и села у дверей; поскольку подошло время поминок по умершей матери, все имущество развешано по юрте. У Буленя одна жена и четыре сына. Нас все время навещал Джаманкул, сын Бексултана, наполовину сумасшедший, большой батыр и барангач. Собрав шайку, он часто нападал даже на своего отца и угонял у него коней, говоря, что их нужно объездить, поскольку они, не зная узды, никого к себе не подпускают. Говорят, что он даже не раз бросался на отца с ножом, все его боятся.

23 июня

Встал в 4 часа, но проливной дождь с грозой помешал нашей охоте. Надо снова ждать до завтра. В 8 часов дождь перестал и показалось солнце. Во время учений казак слетел с коня, а другой переехал его. Беднягу на кошке отправили в лазарет. У нас уже 12 больных казаков и киргизов. Снова дождь. В 5 часов после обеда поехали с вооруженным отрядом вверх по Лепсе.

Ее долина заросла огромными тополями; один из них толщиной в шесть обхватов. В некоторых местах река такая быстрая, что ее нельзя переехать, она камни ворочает. Во время поездки видели чудесную радугу, которая перекинулась через гору большим луком, соединяющим Лепсу с Сарымсакты. В этот лук мы въехали как в гигантские триумфальные ворота. Потом ехали по хребту высокой горы, совершенно заросшей кустами и травой по пояс. Оттуда видели дикого козла. По пути яблони, джигида. После двух с половиной часов езды вернулись домой. Всю ночь гремел гром, и сверкали молнии, но юрта наша не пропустила ни капли дождя. Был и град, довольно крупный.

24 июня

Горы в тучах. Киргизы рассказывают нам, будто здесь есть такие большие орлы, что однажды, когда убили марала и сняли с него шкуру, немедленно появились три орла и унесли с собой тушу марала. В течение дня дождь принимался много раз. Воздух так охладел, что под вечер мы должны были разложить в юрте костер не столько для тепла, как для того, чтобы изгнать сырость.

Был у нас Масленников, купец, ведущий торговлю с киргизами. Он возвращался с гор от картагайцев, кочующих теперь в трех днях пути под самой линией снегов. Он продавал им свой товар: канфу, плис, перкаль – за баранов, а баранов выменивал на другой скот. Говорил, что Кенесары находится между Или и Катынсу и свои патрули посылает к самому Караталу. Скупает коней-рысаков, дает за одного пять верблюдов. Был у него петропавловский купец Аврурем, был вынужден дать ему девятку за разрешение торговать, то есть девять разных материй на девять халатов, и продавал свой товар по цене, назначенной самим Кенесары, довольно низкой. За это последний дал ему письменное обязательство для свободного проезда через его кочевья. Тойчубек, один из знаменитых киргизов Большой орды, выдал за него свою дочь. Все отпетые бродяги присоединяются к нему. В действительности дикокаменные уничтожили у него до 2000, так что уцелевшие убегали прямо по трупам. До него должно быть верст 200.

25 июня

Дождь перестал только поздно ночью. С утра горы были в тучах, но после восхода солнца тучи стали расходиться, и к 7 часам горы и долины очистились от тумана: день прекрасный. Киргизы жалуются, что здешняя трава для аягузских, каркаралинских и кокбектииских коней очень вредна, так как приводит к поносу, и все кони, будучи приучены к сухому степному корму, исхудали. Надежда поохотиться исчезла. Генерал сказал, чтобы мы и не думали об охоте, потому что времени не осталось. Проклятый дождь не позволил нам встретиться с дикими зверями.

Каркаралинский киргиз ездил вчера за несколько верст в горы, но не смог до них добраться из-за холода, снега и такой плохой дороги, что, как говорит, должен был сидеть на коне под прямым углом к боку горы. Он и его земляки говорят, что очень благодарны богу, что не уродил их матаями (очевидно, горцами) и у них нет необходимости ездить по таким горам, с которых, если бы пришлось упасть – человек летел бы несколько верст вниз. Около двенадцати – снова дождик. Сын Али, султана Большой орды, был со своими сородичами у генерала: серьезный молодой мужчина, хорошо одетый, в начищенных чамбарах, с сумкой, повешенной через плечо, в черном канфовом халате. Приготовления к путешествию. Булень в затруднении: видимо, его не слушают, а он боится жаловаться, чтобы его потом не вздули.

Скука страшная: непогода и обстоятельства не разрешают отдаляться. Говорят, что здесь нет зайцев. Уйсуну начинают понемногу сближаться: либо учуяли носом послание, либо им не понравились пушки. Когда они были в 7 часов, то говорили, что полностью доверяют Буленю и, кроме как ему и Кушбеку, никому не верят. Якобы послали за Али и остальными своими родоначальниками, чтобы скорее прибыли, каждый день ожидают их. Просили, чтобы ежедневно можно было видеться с генералом.

Был у нас Орынбай-уленши. Я спросил, сколько ему лет и как давно начал он петь. Отвечал, что ему тридцать лет, а поет уже с десяти. Отец и дед его были народными поэтами. Ему очень понравилось, когда я сказал, что перевел некоторые песни и буду читать их омским дамам. Он сказал, что хочет собрать все свои алатауские песни и посвятить князю.

Прибыли джалаиры, и вскоре ожидается Сюк Аблай-ханов.

Чудесное свойство кумыса: после него спится так сильно, что нужно принуждать себя вставать. Сегодня после полуторачасового послеобеденного сна (чего со мной в Омске никогда не бывало) едва смог проснуться, и так каждый день, хотя уже несколько дней не занимаюсь физическим трудом. Киргизам, чужим в этой местности, алатауский кумыс не нравится, как лошадям – трава этого края.

После обеда ездили к месту, где Агыпыкатты впадает в Лепсу. Ехали мимо двух огромных каменных могил, истории которых никто из здешних киргизов не знает. Оттуда мы возвращались такими горами и тропками, какие мне и не снились. Вечер был прекрасный, сделали мы верст 15. Ночь же была такая холодная, что пришлось очень тепло укрываться.

26 июня

Холодное утро, большая роса. Киргизы убили айбалтой [24] небольшого кабана. Мы ездили на Лепсу и к устью Агыныкатты на охоту, но кроме двух турпанов (уток), весьма мудрых, ничего не видели. Множество свежих следов диких свиней

и даже маралов, проложенных к воде: *in persona*⁴⁴ все же нам никто не показался. Трава по пояс, буйные заросли цветов и кустов, пел соловей – золотое время. Лепса рассекает огромные скалистые горы. Полудни приехал Сюк Аблай-ханов в сопровождении киргизов. Когда спускался с гор, перед ним играла киргизская музыка. Говорят, что, когда Сюк в дороге заболел, а была ужасная жара, музыкант своей игрой вызвал дождь. Сюку 76 лет, он уже утратил свое прежнее значение. Наши не очень гостеприимны. Уйсуну жаловались, что съев свои запасы, они умирают с голоду. Генерал должен был распорядиться, чтобы их кормили.

Казаки ходили на охоту, видели трех маралов и несколько архаров, но на таких горах и скалах, что не смогли к ним даже приблизиться. Ночь была холодная. Ночью беседовал с Бараком; он рассказывал, что Кенесары обо всем знает, что ушел якобы в горы и до него восемь дней пути, а силы его увеличились.

27 июня

Теплый день. В 10 часов аудиенция. Сюк с богатой саблей на боку; ленту, дарованную ему, повесил не на себя, а на шапку. Хаким – простой человек, получил медаль. Уйсунские киргизы говорили: «Мы псы, а Сюк и Кушбек – хозяева; если они меж собой в согласии, то и псам хорошо; если они в дружбе, Кушбек накормит собак Сюка, а Сюк – собак Кушбека: всем хорошо». В 6 часов двадцать пять наиболее значительных уйсуну были на чаепитии у генерала. Сюк является последним (и Абдильда в Аман-Карагайском) потомком хана Аблая. Орынбай два с лишним часа пел, выражая радость, что по милости генерала смог присутствовать на этом собрании народов, что он радуется, видя объединение Средней орды с Большой. Прославлял Сюка и других. Наконец, когда слепой кобызник на своем инструменте с двумя волосяными струнами и на соломенной дудке начал издавать дикие звуки, он впал в такой экстаз, что его едва можно было удержать от бесконечной импровизации.

Прежде чем слепой запел, Орынбай сказал: «Я, найман [25], кончаю мои песни, сейчас пусть выступит ваш певец». Уйсуну просили, чтобы генерал позволил петь. Когда генерал дал слепому штуку материи, Орынбай сказал: «Ваш певец не испортит моей репутации, меня знают по всей Средней орде, его музыка – это не то, что мои песни. Ведь и казаки играют на трубах, но они не поэты». Слепой же ответил: «Я не борюсь с тобой за первенство; ты себе пой, а я буду играть». Но и он поблагодарил генерала песней. Турдубек дал ему халат, что очень понравилось уйсуну. Орынбай полез и в политику, говоря уйсуну: «Вы сейчас проситесь в подданство, но помните, что, если измените, бог вас покарат».

Под конец импровизации среди всеобщего подъема один красноречивый уйсун сказал: «Уленши, мы – путники и не имеем здесь с собой наших девушек, чтобы дать тебе в награду за твои песни. Но приходи под наши шатры, у нас с собой кони и халаты, уделим часть тебе».

Даже сам горбленный, как гриб, Сюк крикнул с энтузиазмом: «Барекельде! Барекельде!»

28 июня

Жара уже с утра. Первая клубника. Бексултану 55 лет, жирный, полнеть начал с 18 лет, а сейчас, как сам говорит, похудел. Говорит, что человек живет только

⁴⁴ *in persona* – лично (лат.).

до 40 лет, а после 40 ничего не стоит; то, что имеющий 39 или 40 лет делает за час, – тот, кому 41 год, вынужден выполнять за несколько часов. Приходил уйсунский киргиз жаловаться на то, что у них нечего есть. Дали ему в тот день четырех баранов. «Вчера, – сказал он, – не жалели медалей, а сегодня хотите, чтобы мы поумирали с голоду?» Как богатые презирают бедняков, показал один киргиз, приглашенный на чаепитие к генералу. Видя, что множество его земляков стоят возле юрты и так к ней жмутся, что вот-вот свалят ее, он обернулся к нам и с усмешкой и презрением сказал: «Это нищие, гольтьба!» Нужно было видеть его надменность и глупость!

Ели мы мороженое со льдом вечных снегов и французское печенье! В 5 часов было чаепитие у генерала для наших султанов (волостных управителей), разрешено было веселиться, плясать, петь и т. д. Во время этого праздника казаки, возвращавшиеся с охоты (на которой за целый день убили трех уток), пригнали к нашему лагерю трех кабанов. Около ста киргизов полетели им навстречу. Прекрасное зрелище неожиданной охоты, которая закончилась тем, что одного кабана закололи, а другого поймали с помощью киргизской украинчины и зарезали возле юрты генерала. У киргизов такое отвращение к чушке, что украинчину оставили на месте, а Амантай забросил ее подальше. Сюк прислал под секретом за полбутылкой водки и просил никому не говорить об этом.

Вечером мастерски удался фейерверк, одна ракета упала в расстоянии шага от нас. Пришла первая почта из Аягуза, но ни мне, ни Виктору – ни словечка.

29 июня

Встал в 5 часов и, выйдя на горку, долго мечтал. И горы, которые в первые дни казались мне большими, сегодня значительно уменьшились в моих глазах. Слышно, что Али с Тойчубеком в дороге. Мулла донес, что Бексултан и его братья предлагают, чтобы никто из найманов не поднимал руки на кенесарынцев в случае, если русские пойдут против него. Склоняют к этому и ургыков, о чем говорил Кушбек. Когда генерал узнал об этом, он послал за ним, прося, чтобы тот не удалялся, а использовал свое влияние для добра правительству. Он объяснял, что не уйдет, но ему противно, что до сих пор киргизы, находящиеся под его и его братьев влиянием, еще не собрались, что он хочет осмотреть их вооружение и т. д. Взаимная политика в азиатском вкусе. Мулла Сюка, старец, башкирский беглец, утверждает, что Кенесары собрал до 17 тысячей, ему ничего с таким отрядом не сделаешь, тем более, что он находится в очень гористой местности. Сюк просил аудиенции, видимо, только для того, чтобы напроситься на чай и новые подарки со стороны правительства. Рассказал генералу, что взял с собой немного чая в бумаге, а он де вымок во время дождя, а он ничего не ест и не пьет, кроме чая. И получил в подарок от генерала фунт чаю. Дальше утверждал, что поскольку подарки правительства – халат и шапку – утратил при переезде через Или, когда верблюд, несший их, утонул, то надо бы доложить об этом князю. Старый совсем поглупел, повторял одно и то же несколько раз. Оказалось, что бий Бейбит из его рода имеет большое влияние и всем заправляет. Сыновья Сюка не сумели завоевать никакого авторитета. Хаким управляет особым родом албан, а сын небольшим, имеющим, однако, до 2000 юрт, родом сиван, Али же управляет дулатами.

Бексултан все глубже укрывает свои намерения: сегодня писал мулле, что имеет 200 вооруженных всадников, что во всем готов услужить, что хотел бы эту рать

показать генералу, но ждет, пока другие не соберут своих отрядов. Он хочет сначала посмотреть и сравнить их со своими, чтобы потом не стыдиться. Посмотрев, мог бы пополнить оружием, если у него не так хорошо, как у других.

30 июня

Снова жара. Первый раз читал «Инвалид» (русский журнал), из которого узнал о выстреле Леконта. Каркаралинские киргизы, аягузцы и кокбектинцы закончили свои взаимные претензии и на молитве обещали друг другу с этой поры не угонять табунов. Посмотрим, долго ли это обещание продержится?

В трех днях пути отсюда есть великолепная долина Джунка, имеющая 70 верст в окружности, перерезанная рекой Буйень. В этой долине теплые воды Арасан. Наш баши, который сюда приехал для того, чтобы отобрать свой халат, вчера был у Сюка, но тот приказал выгнать его камчой. Сегодня он предъявил претензии Айдару, хочет показать ему саблю и спросить, где ее подружка (шапка, подаренная ему вместе с шашкой в 1801 или в 1803 году).

В 3 часа ездили с генералом к источнику Сарымсакты. Дорога, по какой я в жизни моей не ездил! По меньшей мере сто раз должны были переезжать с одной стороны реки на другую, а то ехать самим ложем. Только местные копи смогли избавить нас от опасностей, встречаемых ежеминутно. Была тысяча возможностей сломать шею, к этому месту можно обратить строчки:

Сказав молитву, брось поводья...
Положиться тут надо на коня⁴⁵.

Только раз мой неоценимый Барак, соскакивая с обрызганного водой берега в каменистую речку, упал подо мной, но поднялся моментально, и я не понес ущерба. Наши трудности были вознаграждены чудесными видами гор, покрытых огромными деревьями. Сколько тут малины и черной смородины, разных кустарников, цветов, скал, тополей, берез! Все переплетено хмелем, напоминает бразильские леса. Мы были в восторге и весело преодолевали опасные препятствия. Поймал красивого мотылька и убил горлицу.

По возвращении узнали от лазутчика, высланного Баракком в аул Кенесары, что у последнего до трех волостей, и по всему видно, что Али не приедет. Сперва семерых, а потом четырех разведчиков выслал в наш лагерь, и они находятся среди уйсунув. Удвоили охрану и осторожность.

1 июля

С утра жара. Ходил на горлиц, с великим трудом убил нескольких. Вернувшись, едва пришел в себя после кумыса. Слышно, что у Кенесары над Караталом 50 двуконных киргизов, которым приказано на случай, если в той стороне покажется генерал, моментально лететь в его аулы.

Был у нас Орынбай. Пел и просил адъютанта, чтобы подарил ему перстень. Тот ему отказал, потому что перстень ему дорог, так как связан с памятным событием. «Тогда дай мне часы». – «Часы мне нужны для службы». – «Хорошо! Если перстень для тебя так важен, то и я его ценю. Часы тебе действительно необходимы, потому и не прошу их. Но баядерка тебе не так нужна, дай мне

⁴⁵ Сонет А. Мицкевича «Дорога над пропастью в Чуфуткале.

ее». – «Не могу, она мне нужна для обвязывания себя и сохранения здоровья. А вот поскольку у нас обычай, чтобы поэтов награждали лавровыми венками, так вот я тебе дарю букет цветов». – «У ваших великих людей пастухи пасут скот, ты являешься адъютантом генерала и даешь мне пучок травы. Я не знаю ваших обычаев, мне дают коней и халаты пастухи наших великих господ, а ты мне ничего не хочешь дать». Потом жаловался, что уже несколько дней не поет и умирает от нетерпения. Когда мы ему сказали, чтобы он поднялся на гору и пел, глядя на Ала-Тау, он ответил: «А кто мне заплатит? Ала-Тау мне ничего не даст!»

Был Адамсат Ибаков, уйсунский султан, с которым я виделся в прошлом году в Аягузе. Он меня узнал и был очень рад этому. Он из рода сиван. Говорил, чтобы не обольщались надеждой, что уйсунцы охотно принимают подданство... Но их принудило к этому такое положение вещей: и ваши и другие их притесняют, и у них все меньше остается имущества. Наконец, между собой они постоянно дерутся. Наибольшая гора у них Сuedжарык у истоков Каратала, и там наверху есть озеро.

Он и уйсунцы дивились одной нашей мелочи – много еще у них дикости. Просили, чтобы им позволили быть при пуске ракет и выстрелах из орудия, но страшно боятся выстрелов. Спрашивал, не может ли быть какой случайности! Когда я ему показал курки моего ружья, он весь дрожал и хватал меня за руку, чтобы я не отворял. Все загорелые, многие из них потихоньку просят водочки – у себя пьют китайскую водку.

2 июля

Выехали в 2 часа ночи: я, семеро казаков, Кучкин и киргиз на охоту. Была прекрасная ночь, светили звезды, но было достаточно темно⁴⁶.

Измученные, но вполне насытившиеся волшебными видами возвратились в 7 часов и с удивлением узнали, что наш лагерь перенесли за реку Сарымсакты, откуда простирается великолепнейший вид. Приехав, мы узнали, что прибыл Али и что в понедельник покидаем Ала-Тау. К счастью, было не очень жарко, порой крапал дождик, иначе я не вынес бы трудностей лазания по горам с двустволкой и пистолетами.

3 июля

Тепло. Приготовления к приему Али. Виктор – церемониймейстер. Кийськ говорит, что не надел медали, потому что киргизы смеются над кавалерами медалей, и он надевает ее лишь тогда, как идет к русским. В 10 часов вдруг сорвался ветер, и весь горизонт затянуло какой-то пеленой. Прибыло 800 конных киргизов Средней орды и около 150 – Большой орды. Их посадили друг против друга, а посредине на ковре муллу. Наконец приехал Виктор с Али, человеком лет 60, но еще достаточно крепким. Потом приветствия генералу. В соответствующем месте беседы генерал покинул собрание. После совершения молитвы (которую прервал Кунанбай, а за ним наши, поскольку не было упоминания о Средней орде) киргизы Большой орды присягнули на верность России. Когда генерал приказал прочитать патент на военное звание для Али и надел ему медаль, загрели трубы и было произведено шесть выстрелов из орудия. Генерал поздравил киргизов с присоединением к России и пожелал жить между собой в дружбе, составляя

⁴⁶ Описание этой поездки см. далее, в Письме к брату от 14 июля.

один народ. После этой церемонии генерал увел к себе Али, с которым беседовал 2 часа, а весь народ разошелся по своим наметам и ближайшим юртам. Такой пестроты и разнообразия одежд и шапок я еще никогда не видел. После полудня дождь и ветер.

Джалаиры вообще называются тарак (это самый главный род, от которого происходят джалаиры) и делятся на 12 отрядов. Самые знаменитые здесь: Сюк, бий Бейбит, Кентукин и другие. Хаким, Кирлана сын, управляет родом албан Адамсат Ибак – сиван, а дулатами – Али Адылев. Есть еще один род – уйсун-абак под начальством Мансырлюна Адыля. Каждый из родов делится на отряды, всех называют уйсунами, или уйсунской ордой; Мауке – это бий дулатского рода. Али действительно умнейший из всех. У киргизов есть пословица: «Кто хочет поиграть в кумалак [26] – пусть пойдет к Кулану (старшему брату Али, имевшему большой авторитет, ныне умершему), за добрым советом – к Али; кто хочет поболтать – к Сюку, а кто хочет рассудить спор – к народу». Али во время беседы с генералом часто цитировал Соломона. Говорил, что только четыре великих монарха было на свете (в числе их Александр Великий и египетские фараоны), а сейчас наиболее великий из всех – русский царь. Говорил также, что Кенесары хочет уйти в Хиву. Тойчубек (сын его прибыл) не соединился с ним, но поехал к нему только как депутат для получения награды за ограбление некоторых уйсунов во время его кочевки за Или (кажется, это вранье); что он готов выступить против него и ручается за своих, но разве генерал уверен в своих, особенно в каптагаях? По его мнению, генерал может рассчитывать только на аргынов. Тауке не сдержит данного ему слова и т. д. Действительно, Барак и другие не ручаются за этого последнего. Тауке из волости Джанбубека хотя не волостной, но имеет большое влияние на сородичей. Встал вопрос: что с ним делать? Послали по секрету к Джанбубеку, чтобы самых значительных в волости спросить, ручаются ли они за него.

После полудня все время – с небольшими передышками – шел дождь. Была у нас женщина, энергично изложившая свое дело. Несколько лет тому назад Барак захватил ее у уйсун, потом выдал замуж. У нее сейчас трое детей, она беременна и любит своего мужа. Уйсуны хотят ее отобрать, а она просит оставить ее при муже, который также этого хочет. Решено, чтобы муж заплатил за нее калым и оставил у себя. Муж и жена были довольны этим решением, а уйсуны от нее отстали. Женщина, входя в нашу юрту, сделала три поклона, с приложением рук к груди: один перед порогом и два в юрте.

«Суюнши». Если кто принесет кому хорошую весть, новость, ему нужно что-то дать, и этот дар называется «суюнши». Генерал, например, должен был дать несколько локтей перкаля тому, кто первый принес ему весть о приезде Али. Сюк и Хаким все время подговариваются к рому или к бальзаму: водка для них слаба.

Вчера Сюк попросил у Барака нож, который тот ему немедленно отдал.

Али кочевал на ташкентских землях и там немного нахватался цивилизации, но когда их потеснили, он вернулся в эти края. Китайцы берут с них дань, сколько они сами им дадут.

4 июля

Утром было пасмурно. Около 9 часов показалось солнце. В 10 часов составлен большой совет из трех наших старших султанов, Барака и Али. Али рассказал, что Кенесары потерял 1500 убитыми, две пушки и 500 девушек. Из нескольких

сот пленных отдано ему только около десяти, а остальных продали ташкентцам. Войско его составлено из множества женщин и девушек, переодетых мужчинами единственно для большой численности. Он сперва хотел побороть дикокаменных, чтобы этим импонировать уйсунам, думая, что они, увидев его силу, добровольно соединятся с ним. Он к ним прибыл тогда, когда послы Большой орды приехали в Омск, и просил только о временном пребывании. Сегодня было заключено соглашение между киргизами Большой и Средней орды, чтобы жили между собой в мире и согласии. Али во время совещания выказал большой ум, красноречие, опыт и такт. Виктор и Бургау рассказывают, что не слышали никого из киргизов, говорящего лучше. Своей цивилизацией он, видимо, обязан общением с кокандской аристократией, где кочевал и с двух тысяч юрт сам брал подать будучи, право же, ханом. Но, насмотревшись на их междоусобные войны, во время которых доставалось и его киргизам, возвратился к Или. Начал он свою речь так:

– Мы приходим от Аблая, и Кенесары родился от одной из его жен и является нашим кровным, но нам хорошо известен его характер: это голодный волк, который и сейчас, если бы пришел к нам, ограбил сто аулов. Можем ли мы его любить и держаться с ним вместе? Нет! Ручаюсь за себя и за свой народ, что мы с ним не соединимся. Но в то же время никто из нас не поднимет на него руку. Аллах отверг его. Он, бродяга, и так уже наказан и найдет, в конце концов, человека, который убьет его. Но мы: что нам до него?! Вчера мы присягнули на верность, и эту присягу мы не считаем шуткой. Однако что она означает? То, что мы обязались быть верными России, но не сражаться со своим кровным родственником. Царь дает мне власть над моим народом или над Кенесары? Я отвечаю только за своих, а не за него. Мы царя считаем за наибольшего в мире монарха; чем ему вредит один бродяга, скитающийся по безлюдным степям? Мы же от него отделились: какой он султан без народа? Может, и сам он уже сейчас ушел в степи? Лучшим доводом того, что мы желаем союза со Средней ордой, является наш приезд сюда.

Али спрашивает Виктора, что ему сделает правительство, если Кенесары не уйдет? «Удивляюсь, – добавил он, – что вы жалуете ему кусочка земли, столько ее имея?» Сюк тоже говорил, что Кенесары и к нему присылал брата, но он его прогнал. Хаким молчал. Адамсат выражал большую радость и готовность на все.

Одним словом, пришли к тому, что помощи против Кенесары они не обещают, но поручились, что с ним не соединятся, а он, увидев это, должен будет уйти от них. Стало быть, мир, и вся наша экспедиция окончилась без кровопролития. Каптагаи признались, что Кенесары присылал к ним, и они покачнулись было в своей верности.

Вечером было чаепитие для уйсунской аристократии и наших старших султанов. Потом ракеты, музыка и выстрел из пушки, что привело всех в восторг.

Али все время говорит в переносном смысле; между иными речами он сказал генералу: «Когда приходим к воде, мы не можем перейти без лодки; входим в лодку с боязнью, но, сев в нее, доверяемся ей и плывем. Так и мы: ищем берега, нашли лодку; ты эта лодка – доверяемся тебе и плывем».

Заметно, что только киргизская аристократия отправляет мусульманские молитвы, но из них никто не понимает арабских выражений. Простые же киргизы не молятся. Орынбай развлек нас за ужином, прославляя казачьего офицера за его расторопность и 9 вершков роста. Вечером я писал письмо брату.

НАД САРЫМСАКТЫ, 4 июля. ПИСЬМО БРАТУ

Снова отыскав возможность переслать письмо в Аягуз, хватаюсь с радостью за перо, чтобы прижать вас всех к своему сердцу и рассказать кое-что о себе. Не сомневаюсь, что все мои предыдущие письма из Аягуза и последние из Ой-Джайлау давно уже в ваших руках. Значит, вы знаете, что после шестидневного конного марша я счастливо прибыл на берега Лепсы. Уже шестнадцатый день мы стоим в этом прекрасном краю, который был бы для меня еще лучше, если бы хоть одно словечко прилетело из-за Немана успокоить меня. Но, видимо, этого счастья я здесь не испытаю, так как через два дня мы оставляем горы Ала-Тау. Окончив наше задание, мы поедем мимо озера Ала-Куль на вершины Тарбагатай, где сейчас кочуют туминцы и булатчинцы, киргизы Аягузского округа. Закончим у них перепись населения, лошадей, крупного рогатого скота и снова приблизимся к Аягузу, может быть, даже войдем в него на один день.

Тем временем, ожидая ваших писем, я проглядел все глаза на тропинку, вытопанную верблюдами, которая, словно уж, вьется в горах и является единственной дорогой, соединяющей мой отдаленный уголок с Аягузом, последним пунктом в степи, до которого доходит почта из Омска. Простите мне, что, несмотря на самые искренние желания, только в нескольких словах смогу дать вам отчет обо всем том, что сам делаю и что представляется моим глазам. Может быть, зимой, вернувшись в Омск, смогу возместить это более подробными письмами.

В свободные от работы минуты мы исследуем окрестные горы, реки, источники, могильники, аулы и на каждом шагу находим предметы или виды, которые навсегда врезаются в память. Поездки эти, правда, соединены с большими трудностями, так как повсюду камни, скалы, места, на которые можно вскарабкаться только на местных лошадях, и то частенько с полной возможностью того, что конь и седок полетят в бездонную пропасть. Но зато – какая прелесть! – когда, пережив сто опасностей, взлезешь на какую-нибудь гору, возвышающуюся над остальными, и с ее вершины у своих ног увидишь пейзаж, достойный Альп и Апеннин.

Во время этих экскурсий конь мой, право, сотворял чудеса: возносил меня на гигантские горы, спускал с гор в глубокие долины, смелым шагом ступал над пропастями по таким узким тропинкам, где могут передвигаться лишь марал да архар. Только один раз, перескакивая со скалистого берега в речку с каменистым дном, споткнулся и упал подо мною. Но сразу же вскочил и, как бы устыдясь своего падения, стрелой пролетел пенящиеся воды потока, выскочил на его противоположный берег и в несколько секунд соединил меня с товарищами. Я, слава богу, не понес ни малейшего ущерба, единственной неприятностью этого сальто-мортале были промокшие чамбары. О, если бы такого коня я мог иметь к старости в своем родном краю, я не отдал бы его за всех персидских, турецких и арабских скакунов. А здесь, знаете, какая ему цена? Заплачено 50 рублей ассигнациями. На нем я и на охоту ездил.

Киргизы мне столько наговорили о множестве медведей и тигров, бродящих в этих горах, что их «коп айю, коп джультарс» будило меня от сна и зажигало сердце неутомимым желанием борьбы. Султан Рустем рассказал мне, что как-то раз, встретившись с тигром, так здорово угостил его по носу айбалтой, что тот упал перед ним замертво.

Наконец, собравшись десяткой, выехали в 2 часа ночи. У меня с собой двустволка и пара черкесских пистолетов за поясом. Ночь была звездная. Полную тишину прерывал только шепот Лепсы и голос перепелки. С сигарами в зубах ехали мы в торжественном молчании долиной, густо заросшей клубникой. В 3 часа стали у наметов прославленного мужеством и силой султана Барака, правнука хана Абульфаиза, который обещал дать нам проводником своего стрелка-киргиза. Вид его лагеря был весьма живописен: вокруг луки, стрелы, пики, айбалты, а он сам – чистый образ предводителя разбойничьей шайки в Апенниннах. Взяв проводника, мы начали подниматься на все более высокие горы, углубляться в ущелья, темные как ночь. С большим трудом мы пробирались через еловый лес, заплетенный лианами, разными кустами. Никто из нас в этот день не видел восхода солнца, потому что мы все время блуждали в местах, недоступных его лучам.

Так, потеряв целый день на выслеживание дикого зверя и не найдя ничего, кроме нескольких свежих лежбищ медведей и кабанов, измученные и вспотевшие, мы вернулись к нашим аулам с уверенностью, что тигр – животное сказочное, такое же, как кентавр или феникс. В этом нас еще больше убеждает то, что и господин Жакмон, изъездивший всю Индию вдоль и поперек и хотевший видеть тигра еще свободным, тоже нигде не смог с ним встретиться.

Так утешьтесь же, дорогая мама, этот зверь не существует на свете, так как в противном случае встреча с ним не для всякого могла окончиться так счастливо, как для султана Рустема. И не очень на меня гневайтесь, что раз в жизни я подвергнул себя опасности без нужды. Признаюсь, в этом случае я хотел пристыдить англичан, которые в Индии, взобравшись спокойно на слона, сидя под паланкином, окруженные целым арсеналом оружия, курят сигару, пережевывая бифштекс и освежаясь содовой водой, с полной безопасностью стреляют в зверей, встретиться с которыми нос к носу не имеют достаточно мужества.

Из дневника путешествия

5 июля

Встали очень рано. До 7 часов было холодно, потом жара. Большое движение вокруг; зарезанные коровы, овцы, кони варятся в котлах для байги. Киргизы летают во все стороны. В 10 часов утра был смотр киргизского войска. Еще раньше приехал бий, наш баши, вооруженный с головы до ног, со своим знаменем, которое воткнул в землю недалеко от юрты генерала, а сам остался при нем и, вынув палаш [27], держал его перед собой на вытянутой руке. Когда мы захотели с ним поговорить, он сказал, что на службе не болтают, а когда мы заметили, что смотр еще не скоро начнется, он сказал: «Умру, а не сойду». Потел старый, но стоял. Наконец, когда все собрались, вышел генерал, и перед ним прошли боевые порядки каждой волости под предводительством своих султанов. Их приветствовали трубы. После короткой речи генерала и краткой клятвы в готовности к бою с их стороны на площадь влетело несколько сот всадников, ими командовал одетый по-парадному султан Барак, который на закрытии маневров выстрелил из своей винтовки, извинившись перед генералом, так как у них такой обычай. Кунанбай сиял из-под зонтика, Сюк стоял при генерале. Когда генерал дал бию позолоченную табакерку, тот отблагодарил его молитвой за него и за царя.

Наконец-то мы дождались писем! Я получил от матери, брата, шурина и других.

Кисаевцы прислали посла с просьбой простить их. Видимо, наши распустили слух, что все эти приготовления к походу – против них. Генерал приказал дать им ответ, что если еще услышит что-нибудь о нападениях и грабежах, то двинет на них всех киргизов и уничтожит их. Страшная жара. В 4 часа байга [28].

НАД КАРАСУ. ПИСЬМО МАТЕРИ ⁴⁷

В последнем письме, которое я писал тебе с берегов Сарымсакты, я жаловался на долгий перерыв в наших европейско-азиатских беседах, составляющих единственное счастье, каким мне судьба позволяет утешаться. Приближался момент расставания с гигантскими Ала-Тау, я уже утратил надежду получить весточку, которая мне дороже всего на свете – о вашем здоровье, когда вдруг мои глаза, обращенные к вершине горы, стоящей на дороге в Аягуз, узрели пыль и вскоре затем казаков, спускающихся в долину. Каждый из нас бежал им навстречу, но сомневаюсь, вернулся ли кто в свою юрту с такой радостью, как я, получив твое письмо. Обеспокоенный твоим здоровьем и здоровьем всех членов семьи, я забыл обо всем, что меня тревожит, и уже с более веселым сердцем попрощался с киргизскими Альпами, в которых так приятно провел столько дней и которые каждую минуту переносили меня в блаженные времена моего путешествия по Швейцарии и Италии. Семнадцать лет назад, находясь в Медиолане, я описал тебе народные игрища, происходившие при мне на обширной арене цирка, под голубым шатром ломбардского неба, в присутствии многих тысяч женщин и детей с волшебного побережья Комо и Лаго-Маджоре. Сегодня, заброшенный судьбой в далекие, не известные Европе края, опишу тебе, если мне позволит время, киргизскую байгу, свидетелем которой я был в Джетысу, то есть в Семиреченском крае.

Ночь еще покрывала поросшие густым лесом склоны Ала-Тау, когда несколько десятков баранов, коров и коней пало под ножом резника. По четыре раза в 50 котлах приготавливалось мясо, предназначенное для простого народа. Бухарский повар готовил пилав с бараньим жиром, кишмишом и урюком, блюдо только для высшего класса киргизов. В огромных кожаных сабах и турсуках принесли кумыс из соседних аулов, а также айран. Наконец встало солнце, и во всем блеске красоты улыбнулась долина, окропленная водой пяти рукавов Лепсы, шумящей в тени столетних тополей. С верхушек гор, из ущелий, из каждого уголка начали стягиваться киргизы на своих маленьких, но выносливых лошадаках, в разноцветных одеждах и самых разнообразных шапках и колпаках.

В 9 часов степенный бий, одетый в кольчугу, подъехал к юрте пограничного начальника и, сойдя с коня, воткнул хоругвь неподалеку от юрты, возле которой стал на часах с обнаженным палахом. Вскоре на площадь, окружающую наш лагерь, с раздирающим уши криком «Аи гай!» и в страшном беспорядке влетело триста с лишним всадников, вооруженных пиками длиной в 15 стоп, турками, мултыками (ружьями), айбалтами, чокпарами, суюлами, луками и т. д. Это дикое войско возглавлял известный киргизский батыр султан Барак, муж, своей фигурой и лицом напоминающий старых гетманов Запорожья. С его жилистой шеи никто не сумел бы снести головы! Цельный, словно вытесанный из гранита, он уже в 17 лет поднимал огромный камень, лежащий на могиле его предка, а сейчас,

⁴⁷ Это письмо датировано более поздним числом – 13 июля, но помещено здесь, так как в нем дано описание байги, происходившей в Ой-Джайлау.

в 35 лет, одной рукой двигает пушку вместе с колесами. В дни своей прекрасной юности, собрав 5 тысяч киргизов, он наголову разбил уйсунов, род Большой орды. В одном бою собственноручно уложил семерых врагов, а в прошлом году, когда на него напали три вооруженных барантача, и у него ничего не было в руках, кроме камчи, он их так здорово отделал, что они ушли еле живые. Сегодня этот степной богатырь тих, как барашек, спокойно правит сиванцами, отличается тихим нравом и справедливостью, возвышается над другими султанами здравым смыслом, красноречием и даже ученостью, так как умеет читать и писать по-татарски. Под его предводительством мимо хоругви проходили один за другим отряды разных киргизских родов, задерживались на несколько минут перед пограничным начальником, а потом мчались, сломя голову, вопя в один голос призыв своего рода, например: «Аблай! Каптагай! Агадай! Барак!» Когда последний отряд оставил площадь смотра, главнокомандующий султан, одетый в пунцовый халат, расшитый золотом, в богатой бобровой шапке, снял висящую за спиной длинную, как сосна, винтовку, выбил огонь и, зажегши фитиль, выстрелил из нее в честь вождя Средней орды. Потом, разделив свое войско на две половины, показал нам картину киргизской битвы, отличавшейся удивительным беспорядком и воплями, которые привели мне на память две строки из Вальтера Скотта:

Словно толпа разъяренных дьяволов
Завыла адскими воплями...

Долго окрестные горы отзывались эхом этой битвы. Тем временем настал полдень, а с ним и жара, не позволяющая высунуться из юрты. Только в 4 часа мы смогли выехать на место, предназначенное для байги. У подножия гигантской могильной насыпи, сложенной из камней, скрывающих останки неизвестного киргизам героя, стояло несколько пышных юрт, отличающихся своей величиной и украшениями, а рядом с ними, среди пик, симметрично воткнутых в землю, более десятка шатров разной высоты и цвета. Тысячи киргизов усыпали могильный холм и все пространство, предназначенное для игрищ. В главной юрте, высланной коврами и живописными текеметами, сидела кругом аристократия Средней и Большой орды. После молитвы, сотворенной 80-летним муллой, началось угощение.

Чай, пилав, баранина, кумыс шли поочередно одно за другим. Тем временем из отдельной юрты, наполненной, право, почти доверху горами конского и иного мяса, двадцать киргизов, босых, наполовину нагих, с медного цвета лицами и грудью, разносили для народа еду, от которой в мгновение ока оставались только кости. Более голодные или лакомки прятали в одежде бараний лоб или ножку кобылы, несколько раз принимали участие в общей трапезе. Крик и шум здесь невозможно описать; там – наоборот, почетное собрание султанов и биев; словно сенаторы Древнего Рима, сидели они с подобающим своему возрасту и значению в народе достоинством.

Не было никаких разговоров, так как все прислушивались к импровизации молодого и приятного трубадура. Потомственный поэт, от деда и отца, словно бард каледонских кланов, уже с 10 лет воспевал каждый предмет, который видел, а сегодня, обогащенный известиями, какие услышал в степи, полон воображения, с неслыханной легкостью и мастерством, смелым и вдохновенным голосом он

пел несколько часов кряду о предметах очень важного содержания. Весь погруженный в свою импровизацию, он, право же, впадает в экстаз, а все его слушают с восхищением. Громкое «барекельде! барекельде!» только и прерывает его пение, а как только выйдет он из юрты, кони и халаты вместо лаврового венка увенчивают мастерство поэта.

Его зовут Орынбай. Но хватит о нем. Присмотримся сейчас к конским соревнованиям. Вот на бугорке воткнута пика, означающая начало бега. Поворот – верст за 10 отсюда. Расстояние для киргизских скакунов, может быть, и невелико, но нужно лететь туда и обратно по камням, горам, оврагам, и это в жару, с какой могла бы соперничать только ливийская! Двадцать юношей на белых, как снег, алатауских конях пустились на соревнование. В мгновение ока туча пыли скрыла их от нас; миг – сверкнули они на вершине ближайшей горы и исчезли, как молния. Наступило всеобщее нетерпеливое ожидание; раньше, чем минул час, на горе снова промелькнул отряд летящих человечков и, как лавина, упал в долину. Пыльный туман опять покрыл коней и всадников, но уже близок финиш, уже их видно... Кто же из них первым достигнет пики? Глаза всех обращены к ним, мысли заняты только одним – победой! Наконец у отметки останавливается взмыленный скакун, и всеобщий крик присуждает пальму первенства счастливому обладателю скакуна – султану Кушбеку, который сразу же получает первый приз. Султан Булень, бии Тана и Кунанбай, кони которых вслед за первым достигли финиша, должны утешаться призами меньшей ценности. За пятый приз завязался спор между двумя владельцами коней, каждый из которых считал себя правым. Но ужасный шум, какой по этому поводу был поднят, был быстро прекращен султаном Бараком. Хладнокровно выслушав обоих киргизов, он своей железной рукой так ловко ударил одного из них по лицу, что тот стал, словно громом пораженный. Другой же рукой разорвал надвое штучку китайской материи и бросил им под ноги. Приговор Геркулеса был принят без малейшего сопротивления и жалобы.

Байга эта закончилась борьбой силачей, доставанием зубами из миски, наполненной кумысом, брошенных в нее монет. Всеобщий непрестанный смех сопровождал эту последнюю операцию, которая вплоть до захода солнца веселила высшие и низшие классы киргизов. Когда последние лучи солнца скрылись за горой, мы оставили площадь игрищ, люди сели на коней и разлетелись в разные стороны. Наступила тишина, нарушаемая лишь криком орлов, воронов и ястребов, дерущихся меж собой из-за остатков киргизского народного пиршества. Но и тех в связи с наступлением в нашем лагере вечерней молитвы разогнал по горам и лесам неслыханный здесь ранее гром орудий и треск огненных ракет, взрывающихся в воздухе.

Из дневника путешествия

6 июля

День, назначенный для нашего отъезда. Утром, чуть свет, в нашем лагере началось большое движение. Я встал с восходом солнца и в последний раз, прощаясь с Ала-Тау, собирал в памяти все, что «видел, чувствовал и думал о тебе».

Вышли в час дня, в самую жару, чуть обдуваемую ветром. До Лепсы нас провожало множество киргизов; из значительных – Булень, Адамсат, Хаким. Счастливо переправились через Лепсу, чрезвычайно быструю в этих местах, переворачивающую своим течением камни. Чтобы удержаться, надо по крайней

мере троим ехать рядом, а весной или во время разлива о переправе и думать нечего. По мере подъема в горы с них открывался великолепный вид, последний для нас вид на Ой-Джайлау, Сарымсақты и снежные вершины. Хотя мы и были рады, что оставляем это место, на котором так долго стояли, невозможно, однако, выразить печали, охватившей меня, когда я потерял их из виду. По несколько раз обращался к ним лицом, и мне казалось, что я расстаюсь с лучшим другом. Вскоре появились долины и взгорья, усеянные белыми мальвами, золотым медвежьим ушком (которое напомнило мне времена детства), голубым цикорием и синими незабудками. Ночевали над рекой Каргалы. Последний вечер с товарищами по путешествию.

7 июля

Встали в половине третьего и должны уже были двинуться с места, как при- был Мауке и задержал нас на целый час. С восходом солнца простились с нашим начальником: он с целым отрядом двинулся к Аягузу; мы же – Виктор и я, имея при себе только 15 казаков и трех толмачей, подались к китайской границе. При нас осталось еще много киргизов, возвращавшихся в свои края, и некоторые часть дороги проехали с нами.

Привал мы сделали над ручьем, впадающим в Чинжалу, в окрестностях, опустошенных невероятным количеством кобылки (то есть полевых кузнечиков, по-киргизски «чигертке»). Я на скаку все время оглядывался на Ала-Тау и разговаривал с толмачом Жеребятьевым, который посещал эти места со Шренком. Он мне говорил, что на гору, где начинается Лепса, они шли от линии снегов до вершины шесть часов, попадали в глубокие овраги, на вершине смогли выдержать очень недолго, поддерживаясь спиртом. Там огромные скалы, которые Шренк называл порфиром. Со скалистых стен видно в сторону Аягуза очень далеко, даже Арал-Тобе и Тарбагатай.

В степи мы заметили человека. Наш баши поскакал, чтобы догнать его, но тот испугался и помчался вперед так, что и шапку потерял. Как оказалось, это был работник, оставшийся в тылу идущего каравана. С привала, отмахав более 70 верст, прибыли на ночь к горе Сайкан.

8 июля

В час пополудни вышли от Сайканы, чтобы к утру, за один переход, пересечь безводную пустыню. Мы остановились в Кутималды в 10 часов, а верблюды пришли часом позже. О, с какой жадностью дорвались мы до чая и отдыха. В 4 часа тронулись дальше, а наши найманы, муруны и т. д. пошли аягузским трактом. С нами остались только ногай, едущий в горы по делу об ограблении его на 30 ямб; кокандец со спутником, проводящий небольшой караван из трех верблюдов к Чугучаку, каркаралинский киргиз, имеющий претензию к туминцам за трех коров, из-за которых ему придется проделать 200 верст пути, и еще несколько киргизов.

Шли мы по дну бывшего древнего моря, наличие которого тут легко определить и без Гумбольдта: серый бесплодный песок, трещины в земле, множество ракушек. Фаланги, ящерицы, сайги. Мы нашли трех молодых уток в кустах джингила, который кучками разбросан по степи и чудесно оживляет ее грустное однообразие. Их майская зелень напоминает иголки тисса, который я видел в Карпатах.

Сделав верст 25, мы остановились на берегу высохшей реки, заросшей высоким камышом, но в ее русле нашелся источник с чистой водой. Хвативши по шесть стаканов чаю, мы легли на железных кроватях под открытым небом и, не обращая внимания на комаров, заснули богатырским сном.

Ногай пил с нами чай; рассказывал о Долонбае, байджигитинском султани, кочующем в двух верстах от Чугучака, и очень его хвалил. Уговаривал заехать в это место, обещая проводить нас к китайской святыне. Говорил также, что большое количество опиума идет в Чугучак через Троицк и Семипалатинск, что в прошлом году 200 пудов счастливо проскочили через первую таможенную и, пожалуй, 300 через вторую. Эта торговля крайне выгодна, так как в Чугучаке за пуд платят по 3600 рублей, то есть 10 ямб. Сами чугучакские власти курят опиум и помогают контрабанде, получая взятки, например, несколько фунтов с пуда. Китайцы так его любят, что как только наступает время курить этот наркотик, бросают даже продавать товар, который может принести им 1000 ямб прибыли. Хлеб у них без соли и масла, но если попросишь – сделают какой угодно. Бывал он и в Кульдже, где женщины невероятно распутны.

9 июля

Движение в лагере – выючение верблюдов – разбудило меня в 3 часа. Когда Амантай будил Виктора, тот спросил со сна: «А генерал уже встал?», по поводу чего мы часто смеялись в пути. Мы долго ехали через камыши, а потом переправились через Каракол, который в этом месте такой болотистый и смрадный, что его запах долго свербил у нас в носу. Отличная трава, но вскоре снова степь, похожая на вчерашнюю, и такая широкая равнина, что я ее назвал наполеоновской, так как он мог бы здесь с миллионным войском дать бой неприятелю, имеющему такие же либо большие силы. Около часу мы ехали по этому морскому дну, но наконец земля стала подниматься к горам. Замечателен был восход солнца над Тарбагатаем, мы снова увидели вершины Ала-Тау и Арал-Тобе. Трава все лучше, песок желтее, множество ягод, называемых кизилом, по цвету похожих на малину. Четыре ягоды, соединенные вместе, облепляют ветку наподобие сосновых иголок по всей ее длине. Вид их приятный, на вкус сладко-водянистые.

Киргизы едят их вареными, а сушеный лист кладут в табак.

В 6 часов утра была уже несносная жара, а в 9 часов мы, на счастье, угадали к источнику Топар, иначе изжарились бы до угольев. Вода отличная и вдоволь. Вокруг буйные травы, вместо кустов огромные стебли. На взгорье могила семизнаймановского султана бия Текупая, который умер здесь три года назад. Около источника мы обнаружили следы ночевки барантачей, которые, видно, кошей с собой не имели и огня не разводили. Оазис этот, добрых 20 верст отстоящий от нашего ночлега, имеет три версты в окружности. Я не мог спать из-за неслыханной жары и проклятых кузнечиков, которые каждую минуту тысячами обрушивались на нас. Между ними были и большие зеленые кузнечики; тишина в воздухе нарушается только стрекотанием этих насекомых, докучающих немилосердно. Никогда в жизни не сделал столько щелчков!

В половине третьего двинулись дальше. Жара, которую в нашей Польше и представить себе невозможно, допекала все сильнее. Было, наверно, более сорока градусов жары! Не раз мне казалось, что я вспыхну огнем или сойду с ума. С почерневшими от солнца губами ехали мы друг подле друга в глубоком молчании.

потому что и слова нельзя было вымолвить. Виктор, который беспрерывно – и чуть ли даже не во сне – курит сигары, теперь утратил к ним всякую охоту. Содовый порошок немного приводил нас в чувство, но невыносимая жажда усиливалась с каждой минутой, а до воды было еще далеко. Наконец к шести часам стали на речке Егинсу... Но каково же было наше отчаяние, когда мы не нашли в ней ни капли воды! Оказывается, киргизы изменили ее русло для полива своих нив, засеянных просом. На наше счастье, эти нивы были недалеко.

Растительность в этих местах совершенно иная: много трав, например, мята, горох с белыми стручками, медвежье ушко, мак, цикорий и т. д. После получасовой езды наш баши неожиданно воткнул пику, и когда я спросил его, далеко ли вода, он указал рукой и сказал: «Здесь!» Это был каналчик, заросший травой, по которому стремительно летела вода из Егинсу на поля, лежащие в долине. Эти земли обрабатывают киргизы Бекхожи. Их всего тридцать. Они имеют 200 коз на своем содержании, живут айраном. Увидев нас, сразу же попрятались. Но, убедившись, что мы не барантачи, приоделись и вышли, с радостью приветствуя нас. Говорили, что кисайцы в количестве 50 человек напали на них. Одного из них раздели и забили до смерти; они же вышли против них полунагие, опасаясь, что отберут одежду. Кисайцы гнали 400 коней, украденных у семиз-найманов, ночевали же они действительно там, где мы делали привал, у Топара. Эти земледельцы были у нас вечером, мы потчевали их кумысом и сухарями. Обрадованные таким приемом, они послали к своему кошу, скрытому в яру, за козьим айраном. Мы его пили, разведя водой. Страшная дрянь, пахнет неприятно, но охлаждает. Спали же на своих железных кроватях под открытым небом так, как не спит ни один король!

10 июля

Встали в 2 часа и в половине третьего двинулись через канал, потом через другой, через разные рвы и канавки, и ехали долиной между отрогами Тарбагатая. Здесь множество персиковых деревьев, обсыпанных плодами. Растительность все буйнее. И вот наконец стремящийся по камням несколькими руслами Урджар. Берега его густо заросли кустами и такой высокой травой, что, например, болиголов – настоящий лес: выше меня, сидящего на коне. Запах мяты наполняет все вокруг. Мы въехали в зеленую долину и увидели аулы булатчинцев и киржинцев.

Посланные вперед толмачи приказали немедленно поставить юрту, в которую мы вошли с огромным удовольствием около семи часов утра. Дорвавшись до кумыса, не виданного несколько дней, я выпил несколько чашек, так что и чай пить не мог. Сразу уснул. Проснувшись, увидел, что ташкентец, идущий в Чугучак с коврами, разными материями, ягодами и т. д., потчует нас пилавом, урюком, кишмишом и круглыми сухарями. Когда он с нами прощался, то сказал Виктору: «Вежливый прием и твоя беседа значат, как будто я видел лицо царя». Рассказал, будто часть Ташкента сейчас принадлежит Коканду, а остальное – Бухаре, что первой управляет кипчакский хан из рода киргизов, высокий ростом, а второй – Батырхан, и что они между собой постоянно воюют. В два часа пополудни, по жаре, несколько умеряемой ветром, поехали дальше; дорога ужаснейшая: через рвы, потоки, впадающие в Урджар. Из-за проклятого чирья должен был ехать на телеге. Здесь киргизские кони доказывали чудеса, перевоза нас через такие места, где ни один европейский возница не смог бы проехать на своих ученых

и выездных конях. Далее ехали мы нивами отличного проса версты три. На взгорьях и пологих возвышенностях все время молы из глины с низким входом. Далее долины, поросшие персиками, терном, несколькими видами гороха. Повсюду дикорастущая конопля. С письмом от своего отца приехал нас приветствовать сын султана Усмана. Сделав 24 версты, мы остановились в долине с богатой растительностью, над речкой Карасу. Несколько тополей; по направлению к Китаю три одиноко возвышающиеся горы, от нас верст 20 – 30. За одной из них называемой Киши-Тобе, в 70 верстах отсюда находится Чугучак; немного ближе, верстах в 50, – пикеты. В речке маринка и еще какая-то мелкая рыбка. Ночью нам не дали спать комары, мы вынуждены были душить их дымом.

11 июля

На рассвете приехали вооруженные по-своему киргизы и привезли два намета, рыбу, кумыс и барана. Дождь. В 4 часа мимо пошла кочевка туминцев. Впереди ехал кошбаши назначать место для нового аула, за ним шли аулы длинной вереницей верблюдов, груженных юртами и всяким имуществом, потом овцы и козы. Коров и коней не было, потому что стада их шли стороной, чтобы было меньше пыли. Верблюдов сопровождали женщины. Будь хоть женой самого хана, она должна вести первого верблюда, это ее право и честь. Юноши тешились на конях возле девушек, остальные ехали возле стада. Шесть часов шла мимо нас эта кочевка к близлежащим берегам Урджара.

В девять часов утра по просьбе самого Усмана, приехавшего к нам со своим младшим сыном, двенадцатилетним толстым, но расторопным мальчишкой с монгольским, как и у всей его семьи, лицом, откочевали мы на полторы версты верх по реке Карасу к огромной, построенной для нас юрте, находящейся напротив его аула, только за рекой. По его приглашению мы были у него в юрте, пили кумыс и чай, ели кишмиш. Его младшая любимая жена сидела в юрте, а старшая, хоть и султанская дочь, была в другой. В юрте лежала прекрасная борзая, больная чахоткой. Здесь я впервые увидел постамент (каргаул-куйрук), на котором воткнуты четыре связки фазаньих хвостов, украшенные звонками. Их ставят на султанском верблюде тогда, когда передвигается кочевка, и во время хода животного эти звонки подают свой голос⁴⁸. В кошме, покрывающей юрту, дырка, через которую просунута пика, указывающая, что эта юрта султана, начальника⁴⁹. Жизни зажиточного киргиза, действительно, можно позавидовать. Имущество его в нескольких сундуках, обшитых белой кошмой и завязанных белыми шнурами несчетное количество раз, лежало вокруг. На них, почти под потолком юрты, несколько погребцов, огромная саба, турсуки, длинное ружье, сабля. На керегах висела половина туши барана. Посреди юрты, рядом с другими цветами, поднимались еще не смятые мальвы.

Во время нашего визита к Усмону вдруг загремело, и пошел сильный дождь, но продолжался он несколько минут. Воздух после нескольких жарких дней немного освежился. Жара вскоре вернулась, но поскольку повеял ветер, мы с удовольствием отдыхали в нашей огромной юрте после таких трудностей путешествия. Не знаю более приятного чувства, чем то, которое испытывает вошедший после

⁴⁸ Их имеют и другие киргизы, а богатые – по несколько штук. – *Прим. автора.*

⁴⁹ Может быть, так было раньше, нынче каждый киргиз, имеющий пик, ставит ее там, чтобы она не сломалась, поскольку одна, которую сам я мерил, была длиной 15 стоп. – *Прим. автора.*

стольких дней мучений в юрту, да еще облившись холодной водой или искупавшись. В эту минуту я чувствую себя таким довольным, каким никогда не бываю по возвращении в тесные стены комнаты. Здесь я могу кликнуть ветер и быть sans gene⁵⁰, чего нельзя в городе. Здесь даже кузнечиков мало и комары уважают наш покой. О, какой сладкий, сладкий сон в перспективе! Что за прекрасный кумыс! Пили мы и водку, выгнанную из кумыса в котле, но очень скверную и невкусную. Усман, увидев у меня в руках хорошую двустволку, решил, что я сумею починить его испорченное ружье, которое ему подарил Белаш. Просил меня починить пружину, которую сломал господин султанич, стреляя по сорокам.

После полудня легли отдыхать, но было так душно, что мы не смогли сомкнуть глаз. Вдруг завыл ветер и чуть было не перевернул нашу наспех поставленную юрту. С большим трудом мы удержали ее на месте. Наконец хлынул дождь, и мы, используя момент, когда в воздухе посвежело, крепко заснули и проспали до шести часов. Поднявшись, я пошел на речку, где поймал несколько маринков, а казаки – несколько десятков штук. За чаем припомнили, что обычно в этот день бывает школьный праздник и конец учебного года. Поболтали мы о наших дворянчиках, безмерно счастливых, когда префект вручает им список наук, полученных их сынками, который они привезут домой и еще целый год будут читать вместе с календарем, единственной книжкой домашней библиотеки – об иезуитах, зигмунтах и т. д. Когда мы сели за ужин, вошел Усман со своим другом булатчинцем. Он рассказал, что в этом году первый раз сидел на телеге, и что ему стало плохо. На вопрос, почему он своего сына не отдаст куда-нибудь в обучение, чтобы малость пообтесался, он доказывал, что это ни к чему не приведет; если бог дал разум, то люди к нему уже ничего не прибавят. Понадобились огромные усилия, чтобы убедить его в том, что и у людей можно чему-нибудь научиться. Виктору пришлось подкреплять свои убеждения стеариновыми свечами!

О сватах у киргизов. Ко времени их прибытия у порога юрты копают ров, прикрывая сверху травой. Как только сваты переступают порог, девушки и вся молодежь в юрте бросают в них цветами, словно камушками, а сваты тем временем падают в ров. Смех, крики. Над ними вытворяют разные штуки, девушки их разуваят, щиплют, щекочут, сажают на корову или быка, иногда даже с нагой девицей и, связавши их вместе, пускают в степь, но следят, чтобы не случилось чего плохого. Эти вакханалии бывают ночью. Наутро их угощают, обмениваются подарками. Все это время невеста, имеющая часто всего шесть или семь лет, сидит в другой юрте.

Киргизские похороны коротки. Как только киргиз умирает, бабы поднимают в юрте страшный крик. Потом стараются как можно скорее его обмыть, завернуть в белый хлопчатобумажный саван (в полотняный нельзя), купленный обычно заранее в Бухаре, и несут его к неглубокой могиле. Здесь тело с вытянутыми вдоль руками кладут в могилу и, прикрывши ветками деревьев или травой, засыпают землей.

Амантай рассказал, как, будучи ребенком, заснул однажды в степи, а к нему подполз волк и уже хотел было его схватить, как он проснулся и, посмотрев волку в глаза, закричал. Находившийся неподалеку киргиз прибежал на крик, стрелял по волку, который, уйдя за полверсты, сдох. Его спаситель был разбой-

⁵⁰ Sans gene – без церемоний (франц.).

ник, который бродяжил и воровал девушек. Он увез с собой Амантая и держал его несколько лет, пока, наконец, один каркаралинский киргиз не освободил его и не вернул матери.

Ночью шел проливной дождь, и мы проспали до 7 часов.

12 июля

Жарища с самого утра. В 8 часов короткий дождь, снова жара, но с ветром. Во круг покрикивают перепелки, но кроме множества галок, летающих огромными стаями, никаких птиц не видно. После полудня с Тарбагатая пришла страшная туча, завыл такой ветер, что наша юрта чуть-чуть не улетела в степь. Но хлынул дождь, и мы уцелели.

Сегодня начали перепись населения. Почти всю ночь гремело, и дождь лил не переставая. Спали мы мастерски, пришлось принуждать себя вставать. Снилось мне, что Р. прочитал мне приказ об освобождении.

Перевод с польского Фаины Стекловой

Окончание следует.

КОММЕНТАРИИ

Настоящее издание осуществлено с первого русского издания в переводе с польского с предисловием Ф. Стекловой, под общей редакцией И. Дюйсенбаева, кандидата филологических наук (Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. А.-А.: Казахстан, 1966. – 268 с).

Несмотря на то обстоятельство, что работа А. Янушкевича имеет неослабевающий успех у историков, этнографов и географов, полного научного комментирования его трудов фактически не осуществлялось. Первое и второе казахстанские издания были снабжены самым общим комментарием, в который вкрались некоторые неточности и погрешности, которые нам удалось преодолеть в настоящем издании. В основном это неточности в объяснении этнографических понятий, например слова «барымта», которое составители определили, как «насильственный угон скота» (Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. А.-А.: «Казахстан», 1966. С. 266; Адольф Янушкевич Дневники и письма из путешествия по казахским степям. А.: МКА, 2005. С. 231). Читатель, впервые столкнувшийся с этим понятием, может подумать о нарушении, грабеже личного имущества с целью наживы. Но так ли это на самом деле? Барымта – «по своему первоначальному назначению это захват чужого имущества, главным образом скота, для удовлетворения интересов обиженного. Такие действия допускались как способ исполнения судебных решений при наличии обоснованного требования (Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы советской власти в Казахстане // Проблемы казахского обычного права. А.-А.: Наука, 1989. С. 85). Также это оставление без разъяснений многих специфических понятий из этнополитической истории, социополитической организации, экономики, духовной культуры Казахстана. Те понятия, которым даны верные объяснения, мы оставили без комментирования.

Особое внимание мы постарались обратить на исторические личности, этнические названия, социально-политические термины, проблемы, связанные с фольклором казахов и т. д., что в целом должно способствовать лучшему восприятию текста и служить импульсом к продолжению исследований в данном направлении. При этом мы постарались снабдить каждое примечание сноской на источники и литературу, что даст возможность читателю верифицировать приводимые сведения.

[1] Плано Карпини – итальянец по происхождению, уроженец Перуджи. Его полное имя Джиованни дель Пьяно-Карпине, но в исторической литературе принята латинизированная форма этого имени Плано Карпини. Он был одним из основателем ордена францисканцев и занимал видные должности в римской церкви. Известен своим путешествием в ставку

монгольского великого хана Гююка от папы Иннокентия IV. По возвращению из путешествия написал книгу «*Libellus historicus*», в настоящее время известно только пять рукописей этого сочинения (См.: Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. А.: Гылым, 1993).

- [2] Каракорум – столица Монгольской империи, находившаяся в долине р. Орхон. Определение местоположения древней монгольской столицы и открытия ее развалин было осуществлено в 1889 г. русским ученым Н. М. Ядринцевым. В связи с его открытием была отправлена в Монголию первая археологическая экспедиция Академии наук под руководством знаменитого тюрколога В. В. Радлова. Экспедиция подробно обследовала развалины и впервые сняла план Каракорума. В 1947–1949 г. специальная археологическая экспедиция под руководством чл.-корр. АН СССР Св. Кисилева провела обширные раскопки развалин. Ныне Комитет наук МНР продолжает изучение развалин древней монгольской столицы (Подробно см. комментарий из кн.: Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. С. 175–176).
- [3] Чингис-хан (1155–1227) – монгольский хан и полководец, основатель Монгольской империи. Собственное его имя было Темучин. Титул Чингис-хана Темучин получил в 1206 г., когда был провозглашен верховным ханом. До сих пор точно не установлено значение этого титула. Наиболее убедительным объяснением можно считать предложенное известным финским монголистом Г. И. Рамstedом, который считал, что титул имеет значение «Океан-хан», т. е. «Великий хан» (Комментарий из кн.: Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. С. 181; Бартольд В. В. Образование империи Чингисхана // Чингисхан и его империя / Вспомогательное пособие для учащихся, абитуриентов и студентов. А.: Негосударственное учреждение детского творчества и детской прессы «Болашак балапандары», 2006. С. 194–201; Оссон К. От Чингисхана до Тамерлана. Перевод и предисловие проф. Н. Козьмина. 2-е издание. А.: «Санат», 1996; Хара-Даван Э. Чингис-хан как великий полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XIII–XIV веков. А.: Изд-во «КРАМДС – Ахмед Яссауи», 1992).
- [4] Татары – в данном случае речь идет о народе, проживающем на территории Татарстана, по-видимому, этнические татары в то время уже проживали в Казахстане. Изначально они вели торговлю, религиозную пропаганду ислама и были муллами в казахской степи.
- [5] Кумыс – напиток, изготавливаемый из молока кобылиц. Обладает полезными свойствами, особенно при лечении легочных заболеваний: «Туберкулез легких, хронический бронхит лечили в основном усиленным питанием. В первую очередь рекомендовали больным по возможности питаться свежим мясом, постоянно употреблять кумыс, шубат, барсучий жир и т. д.» (Казахи. А.: Казахстан, 1995. С. 214).
- [6] Тамга – знак рода и племени у казахов. Возникновение тамги у кочевников можно связать с процессом формирования института собственности на скот, так как тамги в качестве тавра ставили на собственное стадо. Поэтому появление тамги можно связать с ранними кочевниками. Развитие тамги тесным образом связано с родоплеменной организацией, т. е. этническими процессами в кочевом обществе. Н. Э. Масанов пишет: «Каждое племя имело свой собственный уран, то есть особый символ этнической принадлежности, в качестве которого обычно фигурировало имя героического предка, а также особую тамгу, т. е. знак принадлежности, символ обладания чем-либо» (Казахи. А.: Казахстан, 1995. С. 10).
- [7] Саукеле – старинный свадебный головной убор невесты (Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2 / Под редакцией С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, Н. А. Кислякова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 726).
- [8] Джатак – бедняк, из-за отсутствия скота не выезжающий на джайлау и занимающийся земледелием (Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. С. 713). Джатак – это социально-экономическая категория казахского общества, в большинстве случаев кочевники, осевшие на землю вследствие утери скота в период джута (бескормицы), пандемии скота, боевых действий, при восстановлении поголовья скота возвращались к привычному кочевому образу жизни. Надо думать, что джатачество было распространенным явлением в истории кочевых обществ. С. З. Зиманов же говорит о том, что «Жатаки появились в результате распада казахской аульной общины, родовых отделений» (Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. А.-А.: Изд-во АН КазССР, 1958. С. 256; см. Бекмаханов Е. Б. Джатаки (Вторая половина XIX в.) // Бекмаханов Е. Б. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. (Сборник научных статей). Павлодар: ТОО НПФ «ЭКЮ», 2005. С. 108–118).

Полагаем, что джатаки появились намного раньше, этот процесс был обусловлен проживанием кочевников в зоне распространения орошаемого земледелия на территории Средней Азии и Юго-Восточного Казахстана (Семиречья), тогда кочевники имели все возможности для оседания на землю. Другой вопрос – относительно массовости этого процесса в истории Казахстана. Большинство исследователей говорят о периоде XIX – начала XX в., мы согласны с этой точкой зрения. Особенно активно процесс седентаризации (оседания) казахов приходится на период 1928–1933 гг., время «Малого Октября» и коллективизации в Казахстане.

- [9] Барантаци – люди, промысляющие барымтой. Здесь А. Янушкевич, по-видимому, не разобрался с этим ключевым понятием в области обычного права казахов и понимает под барантой любой угон скота в личную собственность. Тогда как барымта по своему первоначальному назначению это захват чужого имущества, главным образом скота, для удовлетворения интересов обиженного. Такие действия допускались как способ исполнения судебных решений при наличии обоснованного требования (Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы советской власти в Казахстане // Проблемы казахского обычного права А.-А.: Наука, 1989. С. 85).
- [10] Нуралы-хан – сын хана Абулхайра, годы его правления в Младшем жузе 1748–1786 гг. В это время происходила активизация колониальной политики на территории Младшего жуза, следствием чего стало участие казахов в восстании Е. Пугачева 1773–1775 гг., национально-освободительное восстание казахов под предводительством Срыма Датова 1783–1797 гг. Неспособность хана Нуралы подавить эти восстания, отсутствие сильного авторитета среди народа и неуспешная внутренняя политика побудили российское правительство отстранить хана от правления в Младшем жузе (Подробно о деятельности Нуралы хана см. Вяткин М. Батыр Срым. Учебное пособие. А.: «Санат», 1998).
- [11] Малая орда – Младший жуз. Этнографы отмечают: «В дореволюционной русской литературе вместо «жуз» неправильно применялся термин «орда». Слово «жуз» означает «часть», «сторона» (Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. С. 326). Вопросы истории возникновения и развития дефиниции, этимологию слова подробно изучил востоковед В. П. Юдин (Орды. Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина. Комментарии и указатели М. Х. Абусейтовой. А.: Фылым, 1992. С. 14–56). «Казахи Младшего жуза традиционно занимали территорию всего Западного Казахстана от водораздела Ирғиз – Тобол – Турғай – Мугоджарские горы до восточной оконечности Каспийского моря и низовий Урала, от нижнего и среднего течения Сырдарьи до Урала и Тобола» (Казахи. С. 17). Родоплеменной состав казахов Младшего жуза неоднократно рассматривался в казахстанской историографии (См.: Востров В. В., Муқанов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – XX в.). А.-А.: Изд-во «Наука» КазССР, 1968). «Согласно казахским генеалогическим преданиям Младший жуз подразделялся на три крупных родоплеменных объединения алимулы, байулы и жетыру. В свою очередь алимулы дифференцируются на шекты, торткара, каракесек, карасакал, кете и шомакей. ...Самым крупным родоплеменным объединением Младшего жуза были байулы, подразделявшиеся на племена: адай, жаппас, алаша, байбакты, маскар, берш, тазлар, есентемир, серкеш, тана, кызылкурт, шихлар, алтын и исык» (Казахи. С. 18–19). В жетыру входили рода табын, жагалбайлы, керейт, тама, толеу, кердери и рамадан (Казахи. С. 19).
- [12] Калым – один из самых распространенных институтов традиционного общества, т. н. брак выкупом. Классический калым у казахов включает 47 голов скота. Так, например: 1. Бас жаксы – 10 лошадей; 2. Кара мал – 33 лошади; 3. Аяк жауа – 4 лошади. Кроме указанных калымов основной калым сторона жениха преподносит в доле бракосочетания (неке кияр) еще: 1. Ілу – дорогая вещь; 2. Той малы – в зависимости от размеров свадебного пиршества; 3. Сут ақы – подарок матери невесты; 4. Босагага бай сау – подарок отцу невесты. Таким образом, в реальной жизни размеры калыма могли достигать и большего количества лошадей. Обычно ценность приданного невесты соответствует калыму, т. е. полная компенсация.
- [13] Султан – представитель привилегированного сословия «ак суюк» (белой кости), ведущий свое происхождение от Чингис-хана. Чингизид по крови имел наследственное право в занятии престола и пользовался всеобщим уважением среди казахов. Историк Т. И. Султанов акцентирует внимание на юридическом статусе сословия: «Султаны своим юридическим положением резко выделялись среди населения ханства, причем права, отличавшие их от

других, издавна были наследственными. Политическими правами султанов, осуществляемыми ими *in corpore*, были: 1) участие в общегосударственном управлении; 2) участие в местном управлении; 3) улусно-вотчинное управление» (Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004: 2-е изд., исправл. и доп. С. 276).

- [14] Камча – кнут или бич, служил для верховой езды. Изготавливался путем плетения кожаных сыромятных ремешков, рукоять камчи обычно изготавливалась из дерева или рога животного. Подробное описание камчи или нагайки в качестве предмета вооружения представлено Ч. Ч. Валихановым (Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Валиханов Ч. Ч. Этнографическое наследие казахов Павлодар: ТОО «ЭКЮ», 2005. С. 61–66).
- [15] Кафир – буквально «неверный», т. е. немусульманин.
- [16] Большая орда – Старший жуз. «В этно-историческом плане происхождение Старшего жуза и его специфическую историю следует, по-видимому, связывать с районом Семиречья и предгорной полосой западных отрогов Тянь-Шаня. ...Согласно народным преданиям, весьма многочисленным и противоречивым, казахи Старшего жуза подразделялись на следующие племена: джалаир, ошакты, дулат, албан, суан, канглы (канлы), сары-уйсунь, шапрашты, иргели, шаньшаклы, ысты. При этом источники указывают на наличие ряда автономных этнических групп, в частности, катаганов, бестамгалы, в составе казахов Старшего жуза, которые занимали самостоятельную, промежуточную позицию в традиционной внутриэтнической структуре» (Казахи. С. 12–13). Подробные сведения относительно расселения и численности отдельных племен Старшего, Среднего и Младшего жузов суммированы в работе «Казахи» (С. 9–21).
- [17] Уйсуну (усуну) – наследники культурных традиций саков Семиречья, имели собственное государство и письменность. (см.: Акишев К. А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н. э. – V в. н. э.). Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1986). В данном случае А. Янушкевич подразумевал представителей казахского племени сары-уйсунь, которые «в основном располагались по левому берегу Или и предгорьях Заилийского Алатау, а также по правому берегу Таласа и по реке Курагаты до ее впадения в Чу. Их численность едва превышала 10 тыс. человек» (Казахи. С. 13).
- [18] Манап – представитель родовой знати у киргизов в Киргизии.
- [19] Бий – родоправитель, одновременно исполняющий обязанности судьи, руководящегося нормами обычного права казахов – адатом. Особую силу и авторитет институт биев приобрел в годы правления Тауке-хана (1680-1718 гг.). «Бии казахских улусов пользовались некоторыми особыми правами: в пределах подвластных им родов только биям (кроме хана) принадлежала и судебная, и административная, и военная власть. Эта власть придавала биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии наряду с султанами участвовали в решении общегосударственных дел, сообщая являясь на ежегодное собираемое «народное собрание». Наиболее влиятельные родоначальники входили в «совет биев» при хане. Бий, являясь важным звеном в системе управления ханством, сочетал в себе, таким образом, по меньшей мере четыре качества: военачальник, административное лицо, судья и представитель степной аристократии» (Кляшторный С. Г., Султанов Т. Н. Казахстан: летопись трех тысячелетий. А.-А.: Рауан, 1992. С. 351).
- [20] Средняя орда – Средний жуз. «Казахи Среднего жуза традиционно занимали территорию Центрального, Северного и Восточного Казахстана, а также отчасти Южного – по среднему течению Сырдарьи... Согласно казахским генеалогическим преданиям, казахи Среднего жуза подразделялись на следующие этнические группы: кыпчак, аргын, найман, керей, уак, конрат (Казахи. С. 16; см. Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. А.-А.: «Наука» КазССР, 1974).
- [21] Султан Барак (ум. в 1750 г.) – «султан Среднего жуза, сын Турсун-хана (ум. в 1717 г.), правитель большинства родов племени найман и части родов племени конрат» (Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана / Сост., транскрипция, комментарии, вступительная статья И. В. Ерофеевой. Т. 2. А.: Дайк-Пресс, 2005. С. 398). Султан Барак – один из влиятельных людей в Среднем жузе, принял российское подданство в конце декабря 1735 г. Борьба за влияние и власть в Младшем жузе при вмешательстве российской администрации привела в конечном итоге к убийству

хана Абулхайра султаном Бараком в августе 1748 г. (См. История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 3. А.-А.: «Наука» КазССР, 1979. С. 47, 69, 71, 72). После этого он откочевал в Южный Казахстан.

- [22] Батыр – почетное звание, присуждалось человеку народом вне зависимости от его социальной принадлежности за героизм в бою с врагами, мужество и воинские способности. Нередко батырами становились влиятельные родоправители, например Срым Датов, звание присуждалось чингизидам, например Кенесары Касымову (см.: Бекмаханов Е. Б. К вопросу о социальной природе батыров (XIX в.) // Бекмаханов Е. Б. Собрание сочинений в семи томах. Том 5. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. С. 77–80; Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. // Валиханов Ч. Ч. Этнографическое наследие казахов Павлодар: ТОО «ЭКО», 2005. С. 44–55).
- [23] Каракиргизы (буруты) – современные киргизы в Киргизии. «Киргизы (самоназвание кыргызы) были известны в дореволюционной литературе под названием кара-киргизов, т. е. черных киргизов (а также «закаменных» или «дикоканменных» киргизов)» (Народы Средней Азии и Казахстана. Том 2. С. 154).
- [24] Айбалта – боевой топор секира с лезвием в форме месяца (луны).
- [25] Найман – историческая судьба этого племени тесно переплетена с историей монголов, с которыми они вели неравную борьбу вплоть до завоевания Средней Азии полчищами Чингис-хана. Эти факты хорошо описаны в многочисленных исторических хрониках и современными исследователями-историками (См.: Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Учебное пособие. 2-е изд., доп. – А.: «Санат», 1997. С. 70–82). «Найманы в основном были расселены в предгорной полосе от Джунгарского Алатау на юге до Западного Алтая на севере. Небольшие группы найманов также располагались на юге Казахстана. Численность их достигала 350–400 тыс. человек» (Казахи. С. 16).
- [26] Кумалак – 1) гадание на круглых камешках. У русских Сибири гадание на бобах; 2) интеллектуальная игра (тогыз кумалак) – «Для игры использовали четырехугольную деревянную доску, имеющую 18 продолговатых лунок (отау), расположенных в два ряда по девять в каждом ряду» (Казахи. С. 206).
- [27] Палаш – прямой меч с односторонней заточкой.
- [28] Байга – конное состязание, сопровождало крупные увеселительные, брачные и поминальные мероприятия у казахов. Этнографы выделяют несколько видов конных соревнований: 1) аламан байга – скачка на длинные и сверхдлинные дистанции (25, 50, 100 км); 2) жорга жарыс – состязание на иноходцах. Дистанция устанавливалась по прямой в естественных условиях от 2 до 10 км; 3) сайыс – единоборство всадников на пиках; 4) аударыспак – борьба на лошадях с целью сбросить соперника с седла; 5) кокпар тарту, известный у русских как козлодранье; 6) жамбы ату – стрельба из лука или из ружей на полном скаку в мишень; 7) кумис алу (джигитовка) – всадник на всем скаку должен поднять положенную на землю монету, а иногда и несколько, расположенных через одинаковые интервалы (Казахи. С. 200–203). Все вышеуказанные виды конных игр были распространены у многих кочевых народов Казахстана и Средней Азии, имели глубокие исторические корни и служили прекрасной школой для воспитания будущих воинов.

Комментарии Н. Е. КУЗЕНБАЕВА.

